

МАТРИЦА

ИСТОРИЯ РУССКИХ ВОЗЗРЕНИЙ
НА ИСТОРИЮ ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ
ОТНОШЕНИЙ

СЕРГЕЙ

КАРА-МУРЗА

Книга-эпоха

Сергей Кара-Мурза

**Матрица. История русских
воззрений на историю
товарно-денежных отношений**

«Алисторус»

2020

УДК 82-94
ББК 63.3

Кара-Мурза С. Г.

Матрица. История русских воззрений на историю товарно-денежных отношений / С. Г. Кара-Мурза — «Алисторус», 2020 — (Книга-эпоха)

ISBN 978-5-907255-46-3

Как пишет в своей новой книге выдающийся современный социолог, экономист и политолог Сергей Георгиевич Кара-Мурза, тому, кто старается разобраться в процессе сдвига СССР к своему краху, надо рационально и трезво представить вызревание деградации нашей картины мира во второй части XX века – от создания классических политэкономий Нового времени и до их глубокого кризиса и распада. Но есть надежда, что разобраться в этой проблеме для нас легче, чем на Западе, – мы еще не углубились в пещеры капитализма и постиндустриализма, а симптомы нашей болезни еще видны. Об этом написана данная книга.

УДК 82-94

ББК 63.3

ISBN 978-5-907255-46-3

© Кара-Мурза С. Г., 2020

© Алисторус, 2020

Содержание

Короткое объяснение смысла книги	6
Введение	9
Раздел I	17
Гл. 1. Хозяйство и этнос	17
Гл. 2. Ограничение темы: «исправление имён»	27
Гл. 3. Становление политэкономии Адама Смита	30
3.1. Модель экономики у Адама Смита	30
3.2. Политэкономия и хрематистика	31
3.3. Антропологическая модель буржуазной политэкономии	33
3.4. Основа политэкономии: свободный рабочий и его частная собственность	34
3.5. Политэкономия Адама Смита и бедность	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Георгиевич Кара-Мурза
Матрица. История русских воззрений на
историю товарно-денежных отношений

© Кара-Мурза С.Г., 2020

© ООО «Издательство Родина», 2020

Короткое объяснение смысла книги

С начала краха СССР, новых кризисов и войн в большинстве народов и культур изменяются картины мира, смыслы понятий, образы прошлого и будущего – и даже самого человека. Старые инструменты для изучения, понимания и освоения реальности недостаточны. Наша жизнь обволакивается, как туманом, неопределенностью, все больше и больше усилий мы тратим на попытки и ошибки. Распадаются дисциплины и теории, нормы и табу, институты и авторитеты. В этой атмосфере потоков невежества, манипуляции и нигилизма в СМИ и в деградированной массовой культуре страдают мышление и взаимное рассуждение людей. Страдают память, сознание и логика, оптимистические эмоции и конструктивное творчество. Такая атмосфера давит на все группы и общности народов – и читателей, и авторов. Меньше читают, а я думаю, у большинства авторов нет вдохновения – они идут в сумерках, и дорога плохо видна.

И все равно наши читатели и авторы должны выполнять свой долг: писать, читать, обдумывать и общаться. Пусть их книги не шедевры, и пусть совместный труд авторов и читателей не востребован массовой аудиторией, необходимо накапливать массив изданных, прочитанных и обдуманых книг. Без этого ресурса туман и неопределенность нашего состояния не развеются, даже если иные, более энергичные культуры поделятся с нами их новыми знаниями и инновациями.

Данная книга представляет предмет, который в советский период и сейчас еще считают устаревшим, – *политическая экономия* (или *политэкономия*). По моему опыту и опыту товарищей, мы думали, что это особая малопонятная и малоизвестная дисциплина экономической науки, которая мало интересовала массу научно-технических, прикладных и гуманитарных профессий. Но в 1990-е годы постепенно часть интеллигенции, увидевшая угрозы в реформах, ведущих к глубокому кризису, пыталась понять, каков был смысл советской *политэкономии социализма* – той дисциплины, которой владело сообщество ведущих ученых теоретиков-экономистов.

Я и мои товарищи читали четыре последних учебника «Политэкономия» (от 1980-х до 1990-х гг.), по которым учились советские экономисты. Трудно это сказать, но основные тезисы главных разделов были бессодержательны или непонятны. Казалось, что во время перестройки и реформы советского строя большая часть экономистов (и вообще обществоведов) так легко перешли на антисоветские позиции потому, что они не верили в официальную политэкономия СССР, она их возмущала. А создание альтернативной политэкономии, которая неявно развивалась, заглохло после ВОВ.

В первых советских поколениях – и в интеллигенции, и в госаппарате, у военных и практиков главных типов деятельности – вырабатывалась реальная советская политэкономия, но строительство этой большой системы происходило отдельно, вразрез с проектом создания политэкономии для СССР на основе марксизма. Считалось, что «Капитал» Маркса задал методологию и для капитализма, а затем и для социализма – как универсальную парадигму. Эта ошибка заложила корни драмы и в конце катастрофу картины мира СССР.

За последние тридцать лет многие поняли, что они ошибались в смысле *структуры* классической политэкономии Нового времени (например, в системе Адама Смита – Рикардо – Маркса), а также в истоках древних прототипов политэкономий (Аристотеля, Конфуция и Библии). Наши экономисты конца XIX в., и позже во время революции, а потом в сообществе советских теоретиков экономической науки, концентрировали внимание на актуальных проблемах *экономики* (и экономической науки). Но политэкономия – это совсем другой предмет, потому этот предмет и называли *политической экономией*.

Политэкономия – интегральный текст (доктрина), она идет от Аристотеля. Этот текст и его обобщенный образ соединял науку, историю и предвидение будущего, идеологию и др. Этот синтез представлял картину *ядра бытия* цивилизации, это *суперсистема*. В ней проникают друг в друга главные системы: политика, экономика и культура. Из нее можно брать части, но надо иметь в виду остальные части – тогда возникает насыщенный и динамичный образ бытия и становления.

Я в 2010 г. читал лекции в МГУ политологам, и оказалось, что студентам было трудно объяснить сущность политики. В каждой лекции курса представляли конкретную функцию политики – это было понятно. В конце курса надо было соединять части и представить реальность – но в учебнике и программе это не предусмотрено. Профессор В.Ю. Катасонов позвал меня на его семинар, я предложил тему «Образ экономики». Я изложил туманно, как мог. Как-то все заволновались, много говорили, но тему обходили – все экономисты. Все знают свои аспекты, но они не соединяются в картину. А еще давно Конрад Лоренц подчеркнул афоризм Тейяра Шардена: «Творить – значит соединять».

Ведь уже Аристотель разработал *хрематистику* и *экономю* – разные системы, вобравшие в себя и хозяйство, и политику, и структуры общества, и даже образ войны. Этот его *синтез* был прототипом политэкономии. А какой же представлялась послевоенная советская политэкономия относительно политэкономии Адама Смита или Маркса?

Это сравнение было неизмеримым, это видно по учебникам политэкономии в СССР (с 1954 до 1990 г.). Маркс трудился над своей политэкономией полвека, и огромный 1-й том «Капитала» был лишь кратким резюме его основных исследований и текстов. Он изучал становление капитализма как синтез *главных систем общества* – картин мира главных общностей, развития нового государства, изменения антропологии новых классов, сдвигов образа культуры и шкалы ценностей, императивов экспансии капитализма и роли войн, особенно войн цивилизаций. Все эти структуры были у Маркса заложены в его политэкономии. И его политэкономия на целый век стала картиной мира для массы грамотных людей на Земле. Вот что такое политэкономия!

Как же увидеть *ядро бытия* цивилизации, страны, народа? Ведь экономика неотрывно соединена с политикой, со стихиями психологии и другими, культурой и часто с войной. Ее невозможно вылущить как орешек. Образ этого сгустка в его движении люди создают в воображении по-разному. Образы подбирают для *визуализации* предмета – это важный язык.

Вот простой пример: в 1744 г. Гендель поставил ораторию, а потом оперу «Семела». Её героиня была возлюбленной Юпитера. Ей советовали попросить его появиться во всем божественном блеске, и Юпитер в конце концов согласился. Он появился, и оказалось, что в реальности он – огненный шар. Семела превратилась в пепел.

Но какова политэкономия в истинном её обличье? Вероятно, придется разглядывать ее шар долго и внимательно. Этот шар – сложный организм, в его движении увидим все большие и малые органы и ткани всего организма страны, да и связи и каналы во весь остальной мир.

В период русской революции и до конца ВОВ разрабатывалась наша собственная политэкономия для России (СССР) – в чрезвычайных динамичных условиях. Это была политэкономия мирового класса – это говорили и на Западе, и на Востоке. Бертран Рассел написал: «Можно полагать, что наш век войдет в историю веком Ленина и Эйнштейна, которым удалось завершить огромную работу синтеза». Но *сложный синтез* – это и есть революция в науке.

Но никто не думал тогда, в чрезвычайных условиях, что они создавали другую политэкономии, при этом читали популярные тексты Маркса. Да и такие тексты было мало времени читать. Главное, что политэкономия для СССР не могла быть создана на основе марксизма, потому что образы, понятия, ценности и риски у Маркса и советских ученых были совершенно разными. Их читали теоретики-марксисты, небольшое сообщество, но усвоить смыслы Маркса и одновременно российской реальности было трудно. Это обнажилось в перестройке и далее.

Мы, представляя Запад, часто брали отдельные срезы, но не видели целого – оно от нас ускользало, и мы ошибались. Легче было взять несколько суждений из «Капитала», чем изучать российское бытие. Надо трезво представить эту неудачу разработки политэкономии: во времени «оттепели» Хрущева сообщество аналитиков-практиков и мыслителей, работающих в парадигме *становления*, было демонтировано, и система стала распадаться на частные отрасли и системы. Этот распад ослабил строительство латентной политэкономии, и это сообщество утратило условия для того синтеза, мышления и инноваций, которые были двигателем большого проекта СССР. Кризис 1980-х гг. разрушил слабеющую конструкцию политэкономии, которая соединяла главные срезы бытия.

Что касается Маркса, он обещал, что скоро капитализм преобразуется в социализм – Царство добра на земле. Для масс Маркс был пророком, а не теоретиком. Но в России требовался, кроме веры, рациональный большой проект реального преобразования. Классическая (англо-саксонская) политэкономия не годилась для России, да и для иных цивилизаций и культур, даже капиталистических. При этом Маркс опирался на труды ученых, которые в ходе научной революции создали за три века новый метод познания и продвинули этот метод в обществоведение. При этом он предупреждал, что предмет его учения – *западный* капитализм и *западный* пролетариат. Даже образ ожидаемого социализма, созданного из капитализма *западным* пролетариатом, Маркс представлял категорически иным, чем вызревал в России. Для нас главное было то, что Маркс изучал *капитализм* и его будущее.

Да, Маркс создал огромный массив знания, и в СССР надо было организовать группу молодых исследователей для изучения западного капитализма в его генезисе и развитии – с точки зрения СССР. Ведь многие идеи и предвидения Маркса для нас были бы понятны только в ходе актуальных процессов, но методологию синтеза капитализма XIX и XX вв. у нас не разработали.

На деле у советских теоретиков-экономистов основой разработки политэкономии стали труды Маркса и Энгельса – в отрыве от реальности и СССР, и Запада. Притом, что будущий лидер компартии Италии А. Грамши в статье под названием «Революция против “Капитала”» (5 января 1918 г.) высказал важную мысль о русской революции: «Это революция против “Капитала” Карла Маркса. “Капитал” Маркса был в России книгой скорее для буржуазии, чем для пролетариата».

Как же можно было для ключевой доктрины советского социализма взять за основу политэкономия капитализма Маркса!

И теперь тем, кто старается разобраться в процессе сдвига СССР к своему краху, надо рационально и трезво представить вызревание деградации нашей картины мира во второй части XX века – от создания классических политэкономий Нового времени и до их глубокого кризиса и распада. Но есть надежда, что разобраться в этой проблеме для нас легче, чем на Западе, – мы еще не углубились в пещеры капитализма и постиндустриализма, а симптомы нашей болезни еще видны.

Введение

Все мы с детского возраста участвуем в *хозяйственной деятельности* и постоянно думаем о ней – и непроизвольно, и обдумывая какую-то житейскую проблему или принимая решение. Хозяйство (*экономика*) – один из важнейших «срезов» нашей жизни и жизнеустройства всего народа. Нетрудно представить, что хозяйство «пропитывает» все наши формы деятельности и почти все человеческие отношения. Даже новорожденный младенец кричит матери, чтобы она дала ему пищу. У него еще работают инстинкты, но уже через полгода подключается культура, быстро расширяется его система потребностей, и он подает знаки близким людям.

Первые люди с зачатками языка и разума развивались очень быстро, и инстинкты влияли на социальную природу и общественный порядок человека. Так возникли первые *институты* (точнее, *протоинституты*) – нормы и запреты. Почти все они были связаны с хозяйственной деятельностью, отношениями и поведением людей в этой сфере. Позже разум и культура отослали инстинкты на дно сознания, хотя многие ученые считают, что из глубины инстинкты подают свой голос¹.

Не трудно видеть, что в хозяйстве сочетаются все элементы культуры – представления о природе и человеке в ней, о собственности и богатстве, о справедливости распределения благ, об организации совместной трудовой деятельности, технологические знания и умения, красота и мерзость.

С самого начала существования рода и племени люди с детства осваивали нормы и запреты хозяйственной деятельности своего этноса. С развитием человечества и его хозяйства представления о хозяйственной деятельности, правилах и запретах, о добре и зле, о привычках и открытиях становились все более изощренными и разнообразными. Они были важной частью политики и войны, философии и искусства, пронизывали духовную сферу человека. Этот срез человеческого бытия непрерывно действует и ведет людей, воздействуя и на разум, чувства и воображение. Это особая сторона мировоззрения и мироощущения. Как сказал Хайдеггер, «человеческая масса чеканит себя по типу, определенному ее мировоззрением».

И в то же время люди редко задумываются об этой сфере, а только реагируют на частные события – радостные или неприятные. Когда состояние хозяйства благополучное, то это воспринимают как хорошую погоду, когда неурядицы – как непогоду или бурю. Хотя если задуматься, эти бури и кризисы возникают в обществе – своем или чужом. И главное, очень часто эти кризисы возникают из-за того, что слишком большая часть общества не думала о своем народном хозяйстве, не изучала его и не замечала, что оно *заболело* – по ошибке, по халатности общества или вызрел нарыв конфликта с общностью диссидентов.

Испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет в тяжелые времена написал: «Вера в то, что бессмертие народа в какой-то мере гарантировано, – наивная иллюзия. История – это арена, полная жестокостей, и многие расы как независимые целостности сошли с нее. Для истории жить не значит позволять себе жить как вздумается, жить – значит очень серьезно, осознанно заниматься жизнью, как если бы это было твоей профессией. Поэтому необходимо, чтобы наше поколение с полным сознанием, согласованно озаботилось бы будущим нации» [1].

Сейчас мы переживаем смутные времена, и многие наши люди задумались: как развивалось наше хозяйство, как оно было устроено и как к нему относилось общество, в чем мы ошиблись и не поняли, что происходит в хозяйстве, что нас ждет впереди и в чем мы должны

¹ Т. Веблен считал, что поведение хозяйствующего субъекта определяется не расчетами, а инстинктами и институтами, определяющими средства достижения целей. Так, у Веблена привычки являются одним из *институтов*.

измениться – или, наоборот, укрепиться. Нам придется учиться и думать. Видно, что будет трудно, мы долго были беззаботны.

Начнем распутывать клубок с самых верхних ниток, а дальше, надемся, начнут нам помогать честные и умные ученые. Первая ниточка нас ведет к факту, который даже многие ученые отрицают или стараются о нем не говорить. Этот факт в том, что любое народное хозяйство – это одна из главных ипостасей *национальной культуры*. А национальные культуры *различны*, хотя все они непрерывно обмениваются людьми, идеями, вещами. Поэтому над каждым народом клубится покров из нитей связей хозяйства и людей.

В 1966 г. в США вышел большой труд антрополога Р.Э. Сервиса «Охотники» – об изучении оставшихся на Земле «примитивных» людей, живущих общинами племен и народов. Как-то он получил от эскимоса кусок мяса и поблагодарил его. Охотник огорчился, а старик-эскимос объяснил ученому: «Нельзя благодарить за мясо. Каждый имеет право получить кусок». Сервис пишет, что в общинах нельзя и даже неприлично благодарить за пищу – этим ты как бы допускаешь саму возможность не поделиться куском, что нелепо и противно. Этнографы подчеркивают, что в общине право на пищу – это абсолютное (естественное) право. Поэтому голод в ней возможен лишь как следствие природной или политической катастрофы – засуха, война, «великие переломы» [2].

Шаманы, жрецы, прорицатели создавали мифы и предания, в разных формах представлялись нормы и отношения их племени. Государство создает и контролирует институты и законы. Ученые пишут трактаты и учебники, поэты – поэмы.

Вспомним итальянского купца Марко Поло, который почти всю жизнь пропутешествовал в созданной при Чингисхане империи (в том числе и на Руси). Почитаем сегодня эти свидетельства середины XIII века:

«Когда великий государь знает, что хлеба много и он дешев, то приказывает закупить его многое множество и сыпать в большую житницу; чтобы хлеб не испортился года три-четыре, приказывает его хорошенько беречь. Собирает он всякий хлеб: и пшеницу, и ячмень, и просо, и рис, и черное просо, и всякий другой хлеб; все это собирает во множестве. Случится недостача хлеба, и поднимется он в цене, тогда великий государь выпускает свой хлеб вот так: если мера пшеницы продается за бизант, за ту же цену он дает четыре. Хлеба выпускает столько, что всем хватает, всякому он дается, и у всякого его вдоволь. Так-то великий государь заботится, чтобы народ его дорого за хлеб не платил; и делается это всюду, где он царствует» [3].

Таким образом, от примитивных этносов до современных государств и наций хозяйственная деятельность направляется и контролируется властью и признанными населением институтами (в периоды стабильности). Чтобы власти и общественные институты могли выполнять свои функции, создаются кодексы и катехизисы, а позже – теории и идеологии.

До недавнего времени огромную роль в этом играла церковь. Например, хотя православие избегало явного изложения социальных доктрин, в духовно-религиозном плане частная собственность всегда трактовалась как небогоугодное устройство. Красноречивый пример – перевод архиепископом Василием (Кривошеиным) поучений преподобного Симеона Нового Богослова (949-1022). Вот что говорит пр. Симеон в Девятом «Огласительном слове»:

«Существующие в мире деньги и имущества являются общими для всех, как свет и этот воздух, которым мы дышим, как пастбища неразумных животных на полях, на горах и по всей земле. Таким же образом все является общим для всех и предназначено только для пользования его плодами, но по господству никому не принадлежит. Однако страсть к стяжанию, проникшая в жизнь, как некий узурпатор, разделила различным образом между своими рабами и слугами то, что было дано Владыкою всем в общее пользование. Она окружила все оградами и закрепила башнями, засовами и воротами, тем самым лишив всех остальных людей пользования благами Владыки. При этом эта бесстыдница утверждает, что она является владель-

ницей всего этого, и спорит, что она не совершила несправедливости по отношению к кому бы то ни было».

В другом месте Девятого «Слова» осуждение частной собственности носит еще более резкий характер: «Дьявол внушает нам сделать частной собственностью и превратить в наше сбережение то, что было предназначено для общего пользования, чтобы посредством этой страсти к стяжанию навязать нам два преступления и сделать виновными вечного наказания и осуждения. Одно из этих преступлений – немилосердие, другое – надежда на отложенные деньги, а не на Бога. Ибо имеющий отложенные деньги... виновен в потере жизни тех, кто умирал за это время от голода и жажды. Ибо он был в состоянии их напитать, но не напитал, а зарыл в землю то, что принадлежит бедным, оставив их умирать от голода и холода. На самом деле он убийца всех тех, кого он мог напитать»².

А Реформация церкви в Западной Европе переросла в революцию не только религиозную, но и культурную и социальную. Одним из ее результатов была *политическая экономия* (обыденно, *политэкономия*). Это было учение, которое отодвинуло церковь и задало новые рамки отношений людей и их ценностей. Название *политэкономия* очень понравилось, оно было свежим и необычным, от него веяло истиной, наукой и властью. Это учение снискало авторитет нового типа, неофиты это любят. В реальности, строго говоря, политэкономией была система, которую разрабатывали в Англии и меньше во Франции. Их парадигма и стала *классической политэкономией*. Разумеется, в каждой стране существовал свод понятий и норм, которые объясняли явления и процессы в хозяйственной деятельности. Все эти своды и трактаты сложны и различны, но тем не менее некоторые назвались политэкономией. Здесь нам не требуется излагать и глубоко изучать национальные учения и своды, для нас нужны ключевые постулаты и основы из учений, которые освещают важные различия картин хозяйства и отношений людей и систем в сфере экономики.

Например, Вебер указал на важный экзистенциальный элемент кальвинизма: «Это учение в своей патетической бесчеловечности должно было иметь для поколений, покорившихся его грандиозной последовательности, прежде всего один результат: ощущение неслыханного дотоле внутреннего *одиночества отдельного индивида*. В решающей для человека эпохи Реформации жизненной проблеме – вечном блаженстве – он был обречен одиноко брести своим путем навстречу от века предначертанной ему судьбе» [4, с. 142].

А в томе «Россия» фундаментальной энциклопедии «Всемирная история» (она стоит почти во всех западных школах) читаем: «В идеологии Восточной церкви община верующих сыграла гораздо большую роль, чем роль индивидуума, ответственного только перед Богом, и с этой традицией связаны не только славянофилы XIX века, но также, косвенно, русские социалисты и марксисты, заявившие о важности коллективизма».

Мы плохо знаем трактаты, которые представляют нормы и запреты хозяйства незападных цивилизаций – старых, да и нынешних. А в Европе в начале зарождения современного капитализма стала быстро развиваться экономическая мысль. В Новое время, после научной революции, а также после революций – буржуазных и промышленной, – резко усложнились общества, культуры, и в том числе экономические системы. Возникли профессиональные учения и теории, которые использовали приемы и подходы науки, математику и свой «закрытый» язык. Основная масса населения осваивает логику хозяйства своей страны, своего слоя или сектора, опираясь на здравый смысл, житейский опыт и метод проб и ошибок.

² Впервые опубликован в 1961 г. в «Вестнике Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата», № 38–39. Терминология перевода кажется слишком осовремененной (например, «частная собственность»), однако автор перевода приводит греческие слова оригинала и доказывает, что именно эти, кажущиеся современными нам термины являются наиболее адекватными.

В 1615 г. был опубликован «Трактат политической экономии»³. Так экономическая наука стала называться *политической экономией*.

Здесь стоит сказать, что название политэкономии экономическая наука – условный ярлык. В XVII веке наукой стали называть способ беспристрастного, объективного познания. Политическая основа той картины, которую рисует политэкономия, нагружена идеологией и ценностями господствующих общностей. Именно они определяют, какие трактаты, рассуждения и законы соединяются в систему, которая считается *правильной политэкономией*. Еретики, недовольные, бедные вырабатывают свои «катакомбные» политэкономии. Когда они набирают силу, начинается борьба разных систем – иногда посредством гражданской войны, чаще элита идет на небольшие уступки, политэкономия немного подправляется. Эту сторону нашей темы надо учитывать.

Но возвращаемся к началу. В XV–XVI вв. возникли учения и сообщества интеллектуалов, организация и литература. Это были первые протонаучные школы. Первой считается *меркантилизм*. Их сообщество разрабатывало и обсуждало способы накопления денег (в основном посредством торговли, кредита и войн). Считается, что меркантилисты предложили систему *денежного баланса*, концепцию *политики протекционизма*, а в середине XVII в. систему *торгового баланса*.

Во Франции в середине XVIII в. была основана школа *физиократов*, которая считала истинными источниками богатства природу (сельское хозяйство и др.). Они предложили перевести земледелие в формы капиталистического производства: крупное предприятие фермера и наемные рабочие. Физиократы выступали за полную свободу предпринимателей, промышленников, фермеров и рабочих. Они считали это *«естественным порядком»*. В отношении к государству физиократы противопоставляли себя меркантилистам. Обе эти школы вместе заложили важные части фундамента политэкономии.

В конце XVII в. сложилась школа, которая получила название *классической политэкономии*. Эта школа была уже сосредоточена не на обращении, а на производстве. Уильям Петти (участник «невидимой коллегии», кружка ученых в Оксфорде, который указом короля в 1662 г. был преобразован в Королевское общество) утверждал, что образование богатства происходит не в торговле и не в природе, а в производстве, двигатель которого – *труд*.

Петти получил подряд на обмер и оценку земель в Ирландии для их экспроприации и наделения участками солдат армии Кромвеля. Он искал индикаторы и критерии, чтобы солдаты получили одинаковые по ценности участки земли. В результате на участке выращивали траву и взвешивали скошенное сено. Его вес был «внутренней ценностью» земли, а затем надо было заплатить работникам и за перевоз на рынок и продать сено (так высчитывали «открытую ценность» – рентабельность участка).

Этот труд имел большой успех среди капиталистов. Формулу Петти «Труд – отец богатства, а земля – его мать» повторяли больше века. Локк считал, что по самым скромным подсчетам доля труда в полезности продуктов составляет 9/10, а в большинстве случаев 99 % затрат.

Так была создана *трудовая теория стоимости*, фундаментальный блок политэкономии. Позже А. Смит превратил политэкономия в науку о законах экономики, согласно доминирующих представлений о хозяйстве в культуре Англии.

Возникновение и развитие современного капитализма произвело тектонические изменения в народном хозяйстве в Западной Европе, а затем в колониях и во все странах, которые старались сохраниться в ходе экспансии Запада. Эти страны были вынуждены изучать западные институты и учреждения, создавать собственную тяжелую промышленность, свои армию и флот – на своей культурной почве. Государствам, купцам и образованным сословиям надо

³ Автором был драматург и знаток античных языков и литературы Антуан де Монкретьен. Будучи в Англии, он, католик, пришел к идеям кальвинизма. Он и предложил термин *политическая экономия*.

было иметь представления о хозяйстве стран, с которыми были отношения. Во время потрясений и сдвигов в нарождающемся капитализме соседям было необходимо понимать новые приемы механизмы и торговли и передвижений товаров и денег. Эти процессы надо было «видеть и чувствовать», изучать признаки и следы этих процессов, цели и последствия их действий.

В истории был драматический период: Испания, не включенная в интенсивный процесс *монетаризма*, но «открытая» европейскому рынку, ввозила из Америки огромную массу золота и серебра – и непрерывно беднела, ибо это золото и серебро уплывало в Англию, созревшую для монетаризма и имеющую политэкономия, которую в других странах не понимали.

Тенденции традиций, привычек и решений в экономической деятельности обычно соединяются в речах и диалогах, литературе, трактатах и книгах ученых. Сгустки этих смыслов становятся тем, что называют (или называли) политэкономией. Изменения их смысла и попытки внедрить их в жизнь для начала можно отследить по текстам известных философов и экономистов, таких как А. Смит, Ф. Лист, К. Маркс, Дж. М. Кейнс, В. Ойкен и современных авторитетов. Прислушаемся к суждению Кейнса, крупного мыслителя прошлого века. Он сказал: «Идеи экономистов и политических философов, правы они или нет, гораздо более могущественны, чем это обычно осознается. На самом деле вряд ли миром правит что-либо еще. Прагматики, которые верят в свою свободу от интеллектуального влияния, являются обычно рабами нескольких усопших экономистов».

В разных вариациях эта мысль встречается и у многих других мыслителей. Те идеи и утверждения, которые мы изучали в школе и вузе, загоняют наш ум в определенные рамки.

В общем, чтобы овладеть смыслами процессов хозяйственной деятельности, государство и общество любой страны должны были иметь «образы» собственного народного хозяйства и экономики тех стран, с которыми ведутся коммерческие отношения или от них исходят угрозы. Для этого надо сделать эти образы *видимыми* (в форме текстов и документов, расчетов и схем, карт и таблиц). Эта операция называется *визуализация*. В принципе, эти операции выполняются непрерывно в самых разных формах, большинство об этом и не думает. Но часто приходится помучиться, чтобы найти способ.

Я помню, как в 1960-е годы в химии произошел прорыв в визуализации молекул и их структур. Какой был подъем! Сначала стали доступны образы молекул вещества посредством облучения его электромагнитным полем – ультрафиолетовым и инфракрасным. Получали спектры: один позволяет увидеть связи атомов электронами, а другой – расположение ядер атомов в молекуле. Потом освоили спектроскопию ядерного магнитного резонанса – получили три «портрета» молекулы, сделанных в разном свете и с разных ракурсов. Набор таких методов быстро расширился, счастлирое время! Сложные проблемы разрешались быстро, как будто нам помогала магия. Возможность *видеть* предмет исследования в каком-то смысле преобразовала картину мира. И не только в химии, я бы даже сказал, что именно в общественной науке такой подход обладает более широкими возможностями, чем в естественных науках.

Ведь мы научились из всей нашей среды, даже Вселенной, выделять какую-то вещь или явление, назвать их именем и охватить их мышлением как отдельные целостности. Чтобы их мысленно рассмотреть и проникнуть в их сущность, мы на время отодвигаем в сознании другие вещи и явления, концентрируем разум на данном объекте. Но в общественных процессах надо увидеть большую систему со множеством элементов и связей, очень подвижную.

Почти всегда мы думаем о частичке *хозяйства* – она влияет, в малой или большой мере, на нашу личную жизнь и часто на жизнь народа. Но иногда необходимо задуматься не о частичке, а обо всем калейдоскопе мозаики этих частичек. Например, в тот момент, когда наше народное хозяйство как целостность расчленяется и переделывается, а то и уничтожается. Представить себе образ такого хозяйства трудно, но все-таки каждый человек имеет некоторый образ.

Была такая притча. Шестеро слепых изучали слона. Один потрогал ногу и сказал: «Слон – это колонна». Второй схватил за хвост: «Слон – это веревка». Третий потрогал хобот: «Да нет же! Это толстый сук дерева». Так все спорили. Шел мимо мудрец и сказал: «Вы трогали разные части слона, а слон – это все то, о чем вы говорите».

Но все же лучше создавать этот образ, используя инструменты и методы, которые уже были изобретены и опробованы – они экономят время и усилия, а главное, с ними легче обсуждать проблемы с друзьями и скептиками. Например, можно представить «портрет» хозяйства в виде сети или ткани множества *институтов*, которыми покрыта хозяйственная деятельность, включая распределение и потребление. Атомов хозяйства слишком много, и их движение трудно рассмотреть невооруженным глазом, а институты изучают большие сообщества ученых.

Короткое отступление, оно поможет представить *образ хозяйства в политэкономии* (и других подобных инструментов сознания). Вспомним, как изменилась картина мира с появлением постклассической науки, когда нам представили мир элементарных частиц и космологии.

Древние люди (и наши дети) представляют мир как упорядоченное целое, все частицы которого связаны невидимыми нитями, струнами. Это – Космос. Добавляли: с ним воюет Хаос (боги помогают превратить хаос в порядок и вернуть его в Космос). Человек, проникнутый космическим чувством, ощущает единство Бытия, а себя считает обитателем огромного и прекрасного дома. Научная революция представила мир как машину. Этот образ упорядочил механицизм декартовского рационализма. Становление механистической картины мира, утверждение атомизма и рационализация сознания разрешили задачи идеологии восходящего буржуазного общества и легитимации нового политического порядка. Из этой картины мироздания идеологи английской революции непосредственно выводили естественность конституционной монархии как наилучшей из форм политического порядка. Разрушались иерархические структуры власти, скрепляющие людей солидарностью, основанной на образе жизни, традициях, религии. Возникло гражданское общество, основанное на индивидуализме людей-«атомов».

Человек же традиционного общества видит мироздание как *Космос* – упорядоченное целое, с каждой частицей которого человек связан мириадами невидимых нитей, струн. Хабермас так излагает разные формы легитимации власти – в новом обществе и в традиционных обществах: «Старые концепции мироздания: мифические, религиозные и философские – подчиняются логике взаимодействия людей. Они отвечают на фундаментальные вопросы коллективного существования людей и истории жизни отдельной личности. Их темами являются справедливость и свобода, насилие и гнет, счастье и благодарность, болезни и смерть. Их категории – победа и поражение, любовь и ненависть, спасение и приговор» [5].

Космос был дегуманизирован механической картиной мира, но его смысл в одних культурах ужился с механицизмом, в других восстановили статус Космоса на новом уровне. И. Пригожин писал: «Согласно известной формуле Фрейда, история науки есть история прогрессирующего отчуждения – открытия Галилея продемонстрировали, что человек не является центром планетарной системы, Дарвин показал, что человек – всего лишь одна из многочисленных биологических особей, населяющих землю... Однако [в постклассической науке] представления о реальности предполагают обратное: в мире, основанном на нестабильности и созидательности, человечество опять оказывается в самом центре законов мироздания» [6].

Незападные культуры освоили метод европейской науки, космическое чувство сохранили. Для нас надо освоить навык «видеть» большие сущности, которые покрывают наше жизнеустройство, как политэкономия. Можно сказать стихами Н. Заболоцкого (1936) о чувстве *целостности*:

И нестерпимая тоска разъединенья

Пронзила сердце мне, и в этот миг
Все, все услышал я – и трав вечерних пенье,
И речь воды, и камня мертвый крик.

...

И все существованья, все народы
Нетленное хранили бытие,
И сам я был не детище природы,
Но мысль ее! Но зыбкий ум ее!

Для примера подхода к визуализации большой системы (конкретно, общества) приведем короткую выжимку из книги шведского социолога П. Монсона, которую стоит прочесть. Вот дайджест кусочка первой главы:

Представьте себе, что вы в вертолете над городом. Внизу большой парк, и вы внимательно разглядываете его. Вам видны зеленые газоны, ухоженные рожицы и непроходимые заросли кустарников, маленькие озерца и целая сеть широких асфальтированных аллей, от которых разбегаются более узкие, посыпанные гравием тропинки. Вдоль широких аллей стоят садовые скамейки для отдыха.

Но вот появляются первые люди. Они быстро входят в парк по самым широким аллеям и торопливо проходят насквозь кратчайшим путем. За ними следуют новые посетители. Большинство продолжает двигаться по широким асфальтовым аллеям, но некоторые сворачивают на боковые тропинки, под деревья, где на некоторое время пропадают из виду. Попадают и такие, что бредут, спотыкаясь, не разбирая дороги, топчутся прямо по клумбам. А кое-где некоторые граждане покидают и широкие аллеи, и узкие тропинки и лезут напролом через заросли кустарника. Большинство из них пропадает из виду и больше не показывается, но отдельные упрямы все же ухитряются пробиться и выныривают на изрядном расстоянии по другую сторону кустарника, ободравшись и исцарапавшись в кровь об острые ветки шиповника. День проходит, и людской поток, нараставший вначале, становится теперь все меньше. Большинство пришедших в парк в сумерки придерживаются широких асфальтовых аллей и движутся по тропинкам в ожидании наступающей темноты. Наконец вам видны только светящиеся огни полицейских машин, а все, кто в течение дня пропал из виду и затерялся, так и остаются невидимыми. Когда тьма окончательно поглощает парк, он кажется полностью опустевшим.

Картина поведения посетителей парка является своего рода моделью и характеризует то направление в социологии, что изучает общество независимо от тех или иных основополагающих *образцов поведения*, которых отдельный человек придерживается в течение своей жизни.

Люди, пришедшие в парк, воспринимали его как некий заранее установленный порядок – аналогичным образом человечество воспринимает социальную структуру общества. Большинство пришедших в парк двигались по асфальтированным аллеям, символизирующим то, что в социологии называется *социальными институтами*. Примерно так же, как можно представить парк в виде канвы, образованной аллеями и тропинками, можно представить и общество в виде канвы из социальных институтов.

Основные институты общества – те «аллеи», по которым идет большинство людей, однако имеются менее значительные группы тех, кто «выбирает тропинки». И подобно тому, как в парке встречались посетители, топтавшие клумбы, в обществе есть люди, «спотыкающиеся на ровном месте». Это явление в социологии называется *отклоняющимся поведением*, и во множестве как теоретических, так и прикладных исследований содержатся попытки объяснить, почему люди определенного сорта непременно будут «вытаптывать клумбы». Однако

важно заметить, что «отклоняющееся поведение» является «отклоняющимся» на фоне «нормального» и, следовательно, отклонения изначально заложены в общественные структуры.

В парке были и такие, кто не только не удовлетворился прогулкой по ранее проложенным тропинкам или даже вытаптыванием клумб, а ринулся в непролазный кустарник. Они не признали существующую канву парка и пошли туда, откуда впоследствии нельзя будет выйти. Возможно, они пытались найти кратчайший путь или протоптать новые дорожки, которые – если следом двинутся другие люди – со временем превратятся в широкие асфальтированные аллеи. Посетители парка будут гулять по ним и думать, что эти аллеи были всегда. В таком случае, возможно, прежние аллеи начнут зарастать и вскоре станут непроходимыми. Феномен «протаптывания тропинок» и «зарастания аллей» в социологии обозначается термином *социальные изменения*. (См.[7].)

Институты не слишком трудно выявлять с помощью социологии, а поскольку практически все социальные институты представляют те или другие аспекты *хозяйства*, можно создать образы советской экономики и рыночной экономики РФ (или, например, Украины). Подобные «портреты» не высвечивают все главные стороны такой большой системы, но они приближают нас к реальности.

Сейчас наблюдения из космоса на движение стихий, техники, энергии и людей дают нам серию частичных «портретов» человечества или народа страны. Рассмотреть и обдумать эти «портреты» – это уже важный шаг к тому, чтобы представить себе хозяйство как целостность. Нам доступны карты ночной освещенности Земли и стран, интенсивности хозяйства в форме международной торговли и движения товаров, лесных пожаров и т. д.

Интегральной карты еще нет. Но можно в воображении представить, что откуда-то из Космоса мы смотрим на Землю в потоке особого света и видим человечество в поле *хозяйства*. Человечество – не пыль, оно организовано в племена и народы, нации и цивилизации. Людей связывает их земля и культура, память и будущее. Вариантов комбинации всех форм деятельности и связей элементов систем хозяйства – большое множество, поэтому хозяйство каждой общности обладает неповторимым своеобразием. С момента появления человека его этнос – творец своей самобытной системы хозяйства. А в свою очередь, хозяйство – творец своего этноса. Хозяйство, воплощая в себе все стороны культуры, становится важной частью той матрицы, на которой этнос собирается и воспроизводится.

Можно представить, что, глядя сверху на страну, можно увидеть сеть или ткань институтов, которые регулируют народное хозяйство, а каждый человек связан с этой тканью множеством невидимых нитей. Сверху видна эта ткань, каждая со своими особенностями, она соединяет и защищает народ и его хозяйство. Ее ткали и ткут, штопают и обновляют – все сородичи и земляки, потом соотечественники и граждане, шаманы и священники, власти и ученые. Образ такой ткани или пленки – это аллегория и модель.

Далее рассмотрим подробнее.

Раздел I

Гл. 1. Хозяйство и этнос

Хозяйство (экономика) – один из важнейших «срезов» жизнеустройства народа. В нем сочетаются все элементы культуры – представления о природе и человеке в ней, о собственности и богатстве, о справедливости распределения благ, об организации совместной деятельности, технологические знания и умения. Вариантов комбинации всех этих элементов большое множество, поэтому хозяйство каждой этнической общности обладает неповторимым своеобразием. Этнос – творец своей самобытной системы хозяйства. Но хозяйство, воплощая в себе все стороны культуры, становится важной частью той матрицы, на которой этнос собирается и воспроизводится. То есть, в свою очередь, хозяйство – творец своего этноса.

Поскольку между этносами идет непрерывный взаимный обмен элементами культуры, то наиболее острые различия сглаживаются. В результате исторически складываются разные типы хозяйства. Их изучением занимаются экономисты, а сохраняющиеся особенности и различия – предмет этнографов. Сложилась и особая научная область – *этноэкономика*.

Формационный подход, положенный в основу исторического материализма, исключал из рассмотрения этническую специфику хозяйственных укладов, он оперировал с небольшим числом «чистых» моделей. Что касается незападных стран, то эти модели Запада были настолько далеки от реальности, что Маркс даже сделал попытку выделить особую, туманно определенную формацию, которую назвал «азиатским способом производства». Эта попытка оказалась малопродуктивной и, по сути, была предана забвению. Здесь же нас интересуют не абстрактные «общечеловеческие» экономические формации, а именно специфическое для нашего народа взаимодействие хозяйства с культурой.

Когда человек ведет хозяйственную деятельность, на него воздействуют практически все *силы созидания народа* – от языка и религии до системы мер и весов. О. Шпенглер утверждал даже: «Всякая экономическая жизнь есть выражение душевной жизни». Но в душевной жизни и коренятся особенности разных народов, а материальный мир («вещи») есть лишь воплощение этих культурных особенностей.

Поэтому хозяйство, в котором преломляются эти силы, само является мощным механизмом выработки национального самосознания и скрепления людей этими связями. Даже волны экономической глобализации – и колониальной экспансии Запада, и стандартизирующего наступления капиталистического производства и рынка, и нынешних информационных технологий – не могут преодолеть взаимовлияния хозяйства и национальной культуры.

Например, все незападные страны начиная с XVIII века испытывают процесс *модернизации* – освоения созданных на Западе технологий и хозяйственных институтов. Внешне нередко кажется даже, что при этом возникает западный тип хозяйства, в котором не воспроизводятся национальные черты – они как будто вытесняются в сферу внешних «этнографических проявлений». Но это ошибочное впечатление. Суть многих сторон хозяйства возникает как синтез, как продукт национального творчества.

Археология, изучающая самые древние из сохранившихся свидетельств жизни ранних человеческих общностей, показывает, что роль хозяйства как механизма этнизации людей проявилась с самого начала, с возникновения человека. Найденные в группе технические приемы

и способы организации хозяйства воспроизводились в следующих поколениях и отличали эту группу от других⁴.

Например, изобретение молотка (и молотка с долотом) сыграло огромную роль в развитии человечества, но некоторые, даже современные, народы не применяли молотка, предпочитая обработку материала нажимом. Большое многообразие этнических особенностей обнаруживается в хозяйственном применении огня, в обработке земли и скотоводстве, в способе перемещения тяжестей и грузов, в изготовлении оружия. Совокупность технических приемов и материальных средств представляет собой *систему*, устойчивую (и изменяющуюся) часть культуры этнической группы (племени, народа и даже нации).

Даже индустриальное развитие в хозяйстве этноса не приводит к культурной конвергенции и стиранию различий. После Второй мировой войны американский антрополог В. Брандт вел в течение 30 лет этнологическое изучение промышленного развития ряда стран Юго-Восточной Азии. Он пришел к выводу, что «культурные различия остаются решающими на основных уровнях человеческого взаимодействия, придавая якобы универсальным последствиям модернизации вид, согласующийся с местной культурной конфигурацией» [9]. Культурные различия народов – вот решающее условие развития, а вовсе не имитация чужих методов.

Процесс создания и развития образа желанного и возможного хозяйства – непрерывное усилие мышления и чувства общности (рода, племени, народа, нации). Этот образ – важная часть культурного ядра. В Новое время этот образ стали оформлять трактатами или даже теориями (политэкономией), но и в древности имели формы, чтобы запечатлеть эти образы. История показывает, насколько разные эти образы и теории создаются в разных культурах. Сравним особенности классической политэкономии Англии раннего капитализма и традиционных принципов ряда азиатских культур.

В западной цивилизации, как пишут, кровожадность «естественного» человека была усмирена правом – «война всех против всех» приняла форму конкуренции. Так, движущей силой, соединяющей людей в общество, являлся *страх*. Родоначальник теории гражданского общества Гоббс вводит такой постулат: «Следует признать, что происхождение многочисленных и продолжительных человеческих сообществ связано... с их взаимным страхом» [10, с. 302.]. То есть под той положительной мотивацией, какой А. Смит считал *поиск выгоды* на рынке, лежит страх быть побежденным в конкуренции. При этом страх должен быть *всеобщим*. Кроме того, должно существовать *равенство в страхе*. Гоббс пишет: «Когда же частные граждане, т. е. подданные, требуют свободы, они подразумевают под этим именем не свободу, а господство» [10, с. 367]. Этот порядок на несколько веков придал Западу большую силу.

А вот востоковед А.Н. Ланьков пишет о Корее: «Конфуцианство воспринимало государство как одну большую семью. Вмешательство государства в самые разные стороны жизни общества считается в Корее благом – хотя образованные корейцы прекрасно знакомы с европейскими воззрениями на государство и гражданское общество. В докладе о южнокорейской экономике, подготовленном по заказу Всемирного банка, говорится: “Озадачивающим парадоксом является то, что корейская экономика в очень большой степени зависит от многочисленных предприятий, формально частных, но работающих под прямым и высокоцентрализованным правительственным руководством”. Другой американский экономист пишет: “Корея представляет из себя командную экономику, в которой многие из действий отдельного бизнесмена предпринимаются под влиянием государства, если не по его прямому указанию”» [11].

⁴ Этой стороне истории материальной культуры посвящен большой труд А. Леруа-Гурана «Эволюция и техника» (1945). Он составил около 40 тыс. описаний разных технологических процессов у народов всех частей света. Уже простейшие приемы показывают удивительное сродство с этнической культурой. Одно только механическое воздействие на материал (перкуссия) применяется во множестве форм, так что изучение этой конкретной технологии Леруа-Гуран считает «новой отраслью этнологии, которая даст новые элементы изучения человека» (см. [8]).

Люди с высоким уровнем «индивидуализма» стягиваются в нации другими типами отношений, раньше мощным страхом – по законам отправляли бедняков в работные дома, благотворительность *запрещалась*. А сейчас, например, соединяют посредством их рациональной деятельности по организации социальной помощи и благотворительности – даже если это делается не из любви, а из расчета и права.

Эту целостную внутреннюю среду, соединяющую материальный и духовный миры, этническая группа оберегает, отказываясь даже от выгод «эффективности». Традиции ведения хозяйства очень устойчивы почти у всех народов, их стремятся сохранить даже ценой больших дополнительных затрат. Русские переселенцы XVII – начала XX в. на юге Украины строили рубленые дома из бревен, которые с чрезвычайными усилиями и затратами привозили за сотни километров. Неимущие семьи предпочитали по несколько лет жить в землянках, копя деньги на «дом», но не строили саманные мазанки, как местное население. Русские переселенцы XVII-XIX вв. в Сибири прилагали огромные усилия по приспособлению традиционных для Европейской России приемов хлебопашества к новым условиям. А в Забайкалье чересполосно проживают три народа – русские, буряты и эвенки. И до сих пор на селе они сохраняют свою специализацию: русские – земледелие, буряты – животноводство, эвенки – оленеводство (в сочетании с охотой и рыболовством).

Понятно, что устойчивость традиций и пережитков таит в себе важное противоречие. Многие пережитки не просто снижают эффективность хозяйства, но и приводят к тяжелым последствиям. В России, например, была очень высока детская смертность – в 1901 г. доля младенцев, умерших в возрасте до 1 года, составляла 40,5 %. Врачи выяснили, что причина кроется в особенностях вскармливания грудных детей в православных крестьянских семьях – прикармливанием детей с первых недель жеваным хлебом через соску. В семьях мусульман, даже живших в худших условиях, младенческая смертность была в 2,5 раза ниже, т. к. здесь обязательным считалось грудное вскармливание [12]. Силами врачей и комсомольцев женщинам-крестьянкам объяснили причины болезни младенцев. Люди поняли, и этот пережиток был удален.

Заметим, что с началом Первой мировой войны младенческая смертность в России повысилась и стала снижаться только в 1921 г., в условиях НЭПа и культурной революции. А в ходе Великой Отечественной войны, напротив, младенческая смертность снизилась. В 1946 г. ее уровень был почти вдвое (на 74 %) ниже, чем в 1940 г.

Сохранение пережитков необходимо потому, что каждая вещь и каждая хозяйственная операция имеют не только функциональный, но и символический смысл. Это наглядно выражается в изготовлении оружия. Национальные представления о красоте воплощаются и в изделиях, достигших максимума функциональной эффективности (или имеющих примерно одинаковый ее уровень с иностранными изделиями). Думаю, большинству читателей кажутся очень красивыми автомат Калашникова, советская каска или танк Т-34. Об этом в 1964 г. писал и Леруа-Гуран: «Поразительно видеть, до какой степени американские и русские ракеты и спутники, несмотря на очень узкие функциональные требования, носят на себе отпечаток создавших их культур».

Это явление известно историкам техники и ее создателям. Академик В.А. Легасов, изучавший причины чернобыльской катастрофы и указывавший на ее прямую связь с дестабилизацией «культурного ядра» общества в ходе начавшейся перестройки, сказал (в интервью Ю. Шевчуку в повести «Чернобыль»): «Та техника, которой наш народ гордится, которая финишировала полетом Гагарина, была создана людьми, стоявшими на плечах Толстого и Достоевского... Они выражали свою мораль в технике. Относились к создаваемой и эксплуатируемой технике так, как их учили относиться ко всему в жизни Пушкин, Толстой, Чехов».

Говоря об устойчивости хозяйственных норм, институтов и традиций, необходимых для сохранения народа, не будем, конечно, упускать из виду и изменчивость укладов и в ходе

творческого развития, и при изменении внешних условий. Хозяйство как «сила созидания» народа особенно важно на стадии формирования национальной общности. Потом части общности освоют разные новые типы хозяйства, но в каждой части принадлежность к одному хозяйственно-культурному типу будет скреплять ее.

Поэтому оценивать эффективность того или иного способа хозяйствования по какому-то одному произвольно заданному критерию (например, производительности труда или ВВП на душу населения) можно лишь в каких-то узких аналитических либо идеологических целях. В таких сравнениях эффективности разных национальных типов хозяйства обычно господствует евроцентристский подход – утверждается, что наиболее эффективной является «рыночная экономика», сложившаяся за XVII–XX вв. в Западной Европе («современный капитализм»).

Антрополог К. Леви-Стросс писал о неправомерности таких оценок: «Два-три века тому назад западная цивилизация посвятила себя тому, чтобы снабдить человека все более мощными механическими орудиями. Если принять это за критерий, то индикатором уровня развития человеческого общества станут затраты энергии на душу населения. Западная цивилизация в ее американском воплощении будет во главе...

Если за критерий взять способность преодолеть экстремальные географические условия, то, без сомнения, пальму первенства получают эскимосы и бедуины. Лучше любой другой цивилизации Индия сумела разработать философско-религиозную систему, а Китай – стиль жизни, способные компенсировать психологические последствия демографического стресса. Уже три столетия назад ислам сформулировал теорию солидарности для всех форм человеческой жизни – технической, экономической, социальной и духовной, – какой Запад не мог найти до недавнего времени и элементы которой появились лишь в некоторых аспектах марксистской мысли и в современной этнологии.

Запад, хозяин машин, обнаруживает очень элементарные познания об использовании и возможностях той высшей машины, которой является человеческое тело. Напротив, в этой области и связанной с ней области отношений между телесным и моральным Восток и Дальний Восток обогнали Запад на несколько тысячелетий – там созданы такие обширные теоретические и практические системы, как йога Индии, китайские методы дыхания или гимнастика внутренних органов у древних маори...

Что касается организации семьи и гармонизации взаимоотношений семьи и социальной группы, то австралийцы, отставшие в экономическом плане, настолько обогнали остальное человечество, что для понимания сознательно и продуманно выработанной ими системы правил приходится прибегать к методам современной математики» [13, с. 321–322].

Но для нас здесь важнее отметить, что становление современного капитализма сыграло исключительно важную роль в развитии народов Западной Европы – оно дало толчок и к развитию своего специфического уклада, и к формированию современных наций. А эти нации в Новое и новейшее время являлись и являются для русских «*значимыми иными*». Но в данный период реформаторы навязывают нам образ хозяйства этих *значимых иных* словом и делом. При этом они замалчивают и другой важный факт: архаизацию многих национальных экономик под воздействием западного капитализма (см. [14]).

Действительно, капитализм обладает исключительно сильным «сплавающим» эффектом этнических групп в большие общности (по этой причине Западная Европа, как говорят, стала «кладбищем народов» – они были ассимилированы большими нациями). Этот процесс в ходе формирования западных наций шел практически до нашего времени.

Но и само становление капитализма, как присущего Западу способа хозяйства, не было медленным «естественным» процессом. Это был результат череды огромных революций, в ходе которых возникло уникальное сочетание обстоятельств, позволившее распространить на Западную Европу экономический уклад, сложившийся ранее у некоторых народов Северо-Запада (голландцев и англичан, а до этого фризлов). Предыстория капитализма как очень спе-

цифического этнического хозяйственного уклада, который был затем взят за модель вдохновителями великих буржуазных революций и внедрен политическими средствами.

Специфика того капитализма, который сложился в англо-саксонской культуре, признается и сегодня. Английский историк и социолог З. Бауман пишет: «Новый индустриальный порядок, так же как и концептуальные построения, предполагавшие возможность возникновения в будущем индустриального общества, были рождены в Англии; именно Англия, в отличие от своих европейских соседей, разоряла свое крестьянство, а вместе с ним разрушала и “естественную” связь между землей, человеческими усилиями и богатством. Людей, обрабатывающих землю, сначала необходимо упразднить, чтобы затем их можно было рассматривать как носителей готовой к использованию “рабочей силы”, а саму эту силу по праву считать потенциальным источником богатства» [15].

Когда эти культурные предпосылки соединились с новой центральной мировоззренческой матрицей, заданной протестантской Реформацией, капитализм стал мощным фактором этногенеза, быстро сплывающим «буржуазные нации» Запада. Внешне чисто экономическая мотивация (страсть к наживе) превратилась в обязательную *приоритетную ценность*. Очевидно, что эта ценность обладает национальной спецификой, она присуща далеко не всем народам. Даже Маркс признает, что прежде страсть к наживе была частью очень специфических культур: «Богатство выступает как самоцель лишь у немногих торговых народов – монополистов посреднической торговли, живших в порах древнего мира, как евреи в средневековом обществе» [16, с. 475].

При этом страсть к наживе вовсе не является необходимым условием эффективного хозяйства – общества, где хозяйственные ресурсы соединяются не только через куплю-продажу, могут быть экономически вполне эффективными. Более того, порой их хозяйство рушится именно вследствие внедрения «духа наживы»⁵. Мотив наживы, присущий капиталистическому рынку, отсутствует при иных типах распределения материальных ценностей – прямом обмене ради поддержания социальных связей по принципу взаимности, уравнительном перераспределении, дарении и др.

Антрополог Б. Малиновский писал в 20-е годы, что абсурдно полагать, будто в хозяйстве примитивного племени человек побуждается к труду чисто экономическими мотивами и осознаваемой личной выгодой. Главное для него – выполнение социальных обязательств по отношению к родственникам и общине, стремление к престижу (см. [17]).

Историк становления рыночной экономики Запада Карл Поланьи уже в главном своем труде «Великая трансформация» (1944) противопоставил экономику капитализма хозяйству примитивных народов (как писали после его смерти, создал «политическую экономию контраста»). Затем он перешел к изучению экономики древних и архаических обществ. Так, он заложил основы *экономической антропологии*, которая стала развиваться в 1960-е годы (см. [17]). Работы экономических антропологов показали, что своеобразие присуще всем национальным хозяйствам, даже у тех народов, которые освоили многие принципы рыночной экономики. Придание страсти к наживе вненационального, универсального характера есть чисто идеологический прием.

Э. Фромм в своем обзоре примитивных обществ подчеркивает: «Особо важным как в экономическом, так и психологическом плане является вопрос о собственности. Одним из

⁵ В 1960-е годы описан такой случай: была в Южной Америке процветающая индейская община. Люди охотно и весело сообща работали, строили дороги, школы, жилища членам общины. К ним приехали протестантские миссионеры и восхитились тем, что увидели. Только, говорят, одно у вас неправильно: нельзя работать бесплатно, каждый труд должен быть оплачен. И убедили! Теперь касик (староста) получил от общины «бюджет» и, созывая людей на общие работы, стал платить им деньгами. И люди перестали участвовать в таких работах! Почему же? Всем казалось, что касик им *недоплачивает*. Социологи, наблюдавшие за этим случаем, были поражены тем, как быстро все пришло в запустение и как быстро спились жители этих деревенок.

наиболее распространенных сегодня штампов является утверждение, будто любовь к собственности является врожденным свойством человека. Обычно при этом смешивается собственность на инструменты, нужные человеку для работы, и некоторые личные вещи (например, орнаменты) с собственностью в смысле обладания средствами производства, то есть вещами, исключительное обладание которыми заставляет других людей работать на владельца. В индустриальном обществе такими средствами являются прежде всего машины или капитал, инвестированный в их производство. В примитивном обществе средствами производства является земля и охотничьи угодья» [18, с. 149].

Фромм доказывает, что идеологи раннего капитализма (да и многие современные) ошибаются, что ценность собственности определяется инстинктом, а не воздействием культур: «Социальные отношения в примитивных обществах показывают, что человек не является генетически подготовленным к этой психологии доминирования и подчинения. Анализ исторического общества, с его пятью-шестью тысячами лет эксплуатации большинства господствующим меньшинством, демонстрирует с полной очевидностью, что психология доминирования и подчинения является следствием адаптации к социальному порядку, а вовсе не его причиной. Для апологетов социального порядка, основанного на власти элиты, разумеется, очень удобно верить, будто социальная структура есть результат врожденной необходимости человека, а потому является естественной и неизбежной. Уравнительное общество примитивных групп показывает, что это не так» [18, с. 151].

В этой связи в современных дискуссиях о явлении тяги к собственности насущной стала потребность в изучении своеобразных хозяйственных укладов незападных народов после русской революции 1917 г., и при государственном и хозяйственном строительстве СССР, и в странах, начавших борьбу за освобождение от колониальной зависимости.

Для нас в России сегодня особенно актуально разобраться в том, как действует на всю систему связей в нашем народе массивное внедрение в наше хозяйство институтов и обычаев западной рыночной экономики. В долгосрочном плане это воздействие гораздо важнее, нежели его прямой эффект на собственно хозяйственные результаты (ВВП, национальное богатство, распределение доходов и пр.). Ведь возможен вариант, что хозяйство на бывшей нашей территории станет эффективным, но русского народа не будет (как это произошло, например, с индейцами США).

Поэтому для нас важна история воздействия нового типа хозяйства, возникшего на Западе в бурный период XVI-XVIII вв. («современный капитализм»), на изменения в этническом типе населяющих Западную Европу народов. Протестантская Реформация и научная революция произвели, благодаря их кооперативному эффекту, десакрализацию и дегуманизацию мира в мышлении человека Запада. Образ Космоса, в котором человек был связан невидимыми струнами с каждой частицей, разрушился. В мире, лишенном святости, стало возможным заменить многообразие, неповторимость качеств их количественной мерой, сделать несоизмеримые вещи соизмеримыми, заменить ценности их количественным суррогатом – ценой. Известен афоризм: Запад – это цивилизация, «которая знает цену всего и не знает ценности ничего» (еще сказано: «не может иметь святости то, что может иметь цену»). Прежде человек *благословлял* «в поле каждую былинку и в небе каждую звезду», теперь он их *оценивал*. Это два *различных* мировоззрения.

Это означало кардинальную пересборку общностей – народы, соединенные «этикой религиозного братства» и взаимными обязательствами сословных общин, демонтировались, а из свободных индивидов (граждан) собирались нации. В этом превращении элементарной частицы этноса (из человека общинного в свободного индивида) и состоит сущность *либерализма*.

К. Поланьи, описывая процесс становления капитализма в Западной Европе, отмечал, что речь шла о «всенародной стройке», что главные идеи нового порядка были приняты *наро-*

дом. Он писал: «Слепая вера в стихийный процесс овладела сознанием масс, а самые “просвещенные” с фанатизмом религиозных сектантов занялись неограниченным и нерегулируемым реформированием общества. Влияние этих процессов на жизнь народов было столь ужасным, что не поддается никакому описанию. В сущности, человеческое общество могло погибнуть, если бы предупредительные контрмеры не ослабили действия этого саморазрушающегося механизма» (цит. в [19, с. 314]).

Эти предупредительные контрмеры предприняли и государство, и вызревавшее гражданское общество, и экономическая наука с английской политэкономией. Слепая вера в стихийный процесс была преобразована в принятые институты, легитимированные авторитетными учениями и теориями. Протестантская этика и гражданская культура также ограничивали частных предпринимателей.

Английский историк и философ Т. Карлейль писал (1843): «Поистине, с нашим евангелием маммоны мы пришли к странным выводам! Мы говорим об *обществе* и всё же проводим повсюду полнейшее разделение и обособление. Наша жизнь состоит не во взаимной поддержке, а, напротив, во взаимной вражде, выраженной в известных законах войны, именуемой “разумной конкуренцией” и т. п. Мы совершенно забыли, что чистоган не составляет единственной связи между человеком и человеком. “Мои голодающие рабочие? – говорит богатый фабрикант. – Разве я не нанял их на рынке, как это и полагается? Разве я не уплатил им до последней копейки договорной платы? Что же мне с ними еще делать?” Да, культ маммоны – воистину печальная вера» (цит. по [20, с. 580]).

Система хозяйственных связей, соединяющих в этнос людей, проникнутых «духом капитализма», настолько отличается от систем других народов, что на обыденном уровне западный «экономический человек» часто бывает уверен, что вне капитализма вообще хозяйства нет. Для такого человека в рамках западных ареалов есть какая-то странная суета, но хозяйством ее назвать никак нельзя.

Формационный подход, принятый в историческом материализме, утвердил догму, согласно которой «промышленно более развитые страны показывают менее развитым их будущее». За образец общего для всех будущего Маркс взял при этом Англию – этническую культуру, необычную даже для всего Запада. И либералы, и марксисты в начале XX века были уверены, что индустриализация стирает этнические различия, устраняет воздействие национальных хозяйственных укладов. Но уже к середине века антропологи показали, что уклады хозяйства представляют собой одну из ключевых частей национальной культуры.

Английский либеральный философ Дж. Грей формулирует как общепризнанный факт: «Рыночные институты, не отражающие национальную культуру или не соответствующие ей, не могут быть ни легитимными, ни стабильными: они либо видоизменяются, либо будут отвергнутыми теми народами, которым они навязаны» [21, с. 114].

Политэкономия марксизма, которая сложилась в середине XIX века, развивая политэкономии Адама Смита и Рикардо, была создана на материале специфического национального хозяйства Англии, даже не на материале более широкой системы рыночной экономики Запада. В отношении капиталистической Германии модель Маркса годилась с большими натяжками, а в отношении советской России ее описание и предсказания были совершенно ошибочными.

Политэкономии западных стран совершенно иные от укладов зависимых от Запада стран (колоний, а позже «третьего мира»). Самир Амин пишет: «Производственный аппарат в странах периферии не воспроизводит то, что было в центре на предыдущем этапе развития. Эти производственные системы различаются качественно. Чем далее идет по пути развития периферийный капитализм, тем более резким становится это расхождение и тем более неравным разделение доходов. В своем развитии эта единая система воспроизводит дифференциацию, поляризацию центр-периферия» [22, с. 196].

О Российской империи и СССР скажем позже, а здесь приведем суждение О. Шпенглера. Он писал: «Вся борьба в английской промышленности между предпринимателями и рабочими в 1850 году происходила из-за товара, называемого трудом, который одни хотели дешево приобрести, а другие дорого продать...

Он [Маркс] знал сущность труда только в английском понимании, как средство стать богатым, как средство, лишенное нравственной глубины, ибо только успех, только деньги, только ставшая видимой милость Бога приобретала нравственное значение... Такая этика владеет экономическими представлениями Маркса. Его мышление совершенно манчестерское... *Труд для него – товар*, а не “обязанность”: таково ядро его политической экономии... Марксизм – это капитализм рабочего класса. Вспомним Дарвина, который духовно так же близок Марксу, как Мальтус и Кобден. Торговля постоянно мыслилась как борьба за существование. В промышленности предприниматель торгует товаром “деньги”, рабочий физического труда – товаром “труд”» [23, с. 78, 118–120].

Западная экономическая теория вначале принципиально не изучала хозяйства незападных типов, однако многое можно было бы понять, внимательно читая Маркса. Он пишет о том, как это происходило во Франции: «Ужасная нищета французских крестьян при Людовике XIV была вызвана не только высотой налогов, но и превращением их из натуральных в денежные налоги». Он приводит слова видных деятелей Франции того времени: «Деньги сделались всеобщим палачом»; «деньги объявляют войну всему роду человеческому»; финансы – это «перегонный куб, в котором превращают в пар чудовищное количество благ и средств существования, чтобы добыть этот роковой осадок», и т. п. Многие страны спаслись только тем, что смогли защититься от монетаризма с помощью государства (например, сохранив натуральные налоги и взаимозачеты) [24, с. 152].

Казалось бы, что опыт четырех веков западного капитализма и нескольких этапов изменений учения политэкономии показал, что никакая культура не может трансплантировать политэкономия хозяйства иной нации и цивилизации. Такая попытка погружает свое национальное хозяйство в глубокий кризис или лишает страну экономической, а потом и политической независимости. И бесполезно выбирать чужие модели политэкономии из разных благоприятных исторических моментов. Изучение чужих учений обязательно для получения опыта и технологий, а главное, для изучения чужих ошибок и кризисов.

Маркс проделал огромную работу, исследуя предыдущие парадигмы политэкономии экономики Запада. Он добавил к классической политэкономии ряд ценных инноваций и методов, и кроме того, он высказал много критических суждений в адрес систем экономики *незападных* стран. Эти его суждения, даже ошибочные, помогли ученым и политикам других стран лучше понять их национальные и этнические хозяйства. К несчастью, были ученые и политики, которые надеялись на *прививки* чужой политэкономии на ствол национального хозяйства. Эпигоны и Карла Маркса, и Фридриха фон Хайека, видимо, плохо их читали.

Мы тоже были очень самонадеянны. В советское время после войны была попытка внедрить знания об экономике в культурный багаж интеллигенции через обязательные курсы вузов, а в часть рабочих – через народные университеты и партийные школы⁶. Надо честно признать, что эта попытка была безуспешной. Ю.В. Андропов в 1983 г. признал, что «мы не знаем общество, в котором живем». Но это значит, что мы не знали и свою экономику нашего общества. Более того, когда в 1980-х годах наши экономисты закончили труд по созданию доктрины реформирования народного хозяйства СССР и начали внедрять в практику свои идеи, советская экономика рухнула. Почти все они даже не поняли, что они устроили (хотя, конечно, не все).

⁶ В 1947 г. в СССР действовало 60 тыс. политшкол, где обучалось 800 тыс. человек, в 1948 г. уже 122 тыс. политшкол с 1,5 млн слушателей.

Идея трансформации советской экономики и перехода к частному предпринимательству была реализована быстро и *вопреки* установкам основной массы населения. Это было всем видно и отражено в большом докладе ВЦИОМ под ред. Ю. Левады «Есть мнение» (1990 г.). Вывод социологов таков: «Носителями радикально-перестроечных идей, ведущих к установлению рыночных отношений, являются по преимуществу представители молодой технической и инженерно-экономической интеллигенции, студенчество, молодые работники аппарата и работники науки и культуры» [25, с. 83].

В исследовании ВЦИОМ выяснялось отношение разных групп населения к трем проектам реформы. Во всесоюзном опросе больше всего эти проекты нашли поддержку в таких группах, %:

Проекты реформ	Техническая интеллигенция, студенты и кооператоры	Военные, юристы, колхозники, сельские механизаторы, пенсионеры	Рабочие
Привлечь иностранный капитал	12	3	6,4
Поощрять частное предпринимательство	20	0	10,8
Развивать кооперативы	8	3	5,6

Мы видим, что идею *привлечь иностранный капитал* поддержала очень небольшая доля граждан, в некоторых крупных социальных группах *никто* не поддержал⁷. Но даже в авангарде перестройки (интеллигенция, студенты и кооператоры) положительное отношение выразили только 12 % [25, с. 77].

Население отвергло замысел экономистов и влиятельной части номенклатуры, исходя из здравого смысла, но у него не было ни убедительного языка, ни образа хозяйства, чтобы спорить с профессорами и академиками-экономистами. До того практически все занимались своими делами и считали, что состояние его предприятия, колхоза или учреждения приемлемо, что-то надо обновить и улучшить, но вовсе не разрушать хозяйство.

Победа небольшой группы окол властных экономистов, которая на короткое время убедилась меньшинство интеллигенции, была возможна только при отсутствии знания о народном хозяйстве в главных, фундаментальных его принципах. Но этот провал в этом знании не закрыт, а, вероятно, углубляется. Это общая беда, даже тех, кто воспользовался нашим невежеством. Но сейчас необходимо представить целостный образ хозяйства России в его главных системах и их связях, хотя бы грубо. Без этого наши общности не смогут договориться о направлении движения.

Важный факт: и на Западе произошла глубокая деградация экономической науки и уровень понимания населения процессов в системе современного капитализма. Как будто крах СССР освободил Запад от строгости разработки решений. Жак Аттали писал о кризисе 2008 года: «Протестантская Америка, которая делала первые шаги вместе с кальвинизмом, ставя во главу угла бережливость и труд, теперь культивирует мысль о том, что Бог ее выбрал и гарантирует победу именно ей... 4 марта 2008 года на Уолл-стрит инвестиционный банк *Bear Stearns* оказался на грани банкротства, потеряв 13 400 миллиардов долларов от сделок на деривативах (13,4 триллиона долларов – больше ВВП страны!)» [26].

⁷ Примечательно, что за «привлечение иностранного капитала» высказались 16,6 % директоров предприятий и 0 % руководителей предприятий второго эшелона.

Прошло 8 лет, и оценка состояния понимания на Западе хозяйства ухудшилась. Английский экономист лорд Р. Скидельский пишет: «Вопросы зарабатывания денег по-прежнему заполняют большую часть нашей жизни и мыслей. Экономика должна быть интересна большинству людей. А на самом деле она отпугивает всех, за исключением знатоков причудливых формальных моделей. И это не потому, что в экономике важны логические аргументы, которые позволяют проверить ошибки в рассуждениях. Реальная проблема в том, что экономическая наука отрезана от общепринятого понимания того, как всё работает (или должно работать)...

Хороших экономистов (и многих других хороших людей) объединяет широта образования и взглядов. Она даёт им доступ ко многим разнообразным способам понимания экономики. Гиганты предыдущих поколений знали многое, помимо экономики... Современные же профессиональные экономисты, наоборот, не изучают практически ничего, кроме экономики. Они даже не читают классические труды по своей собственной дисциплине. Об истории экономики они узнают, если это вообще происходит, из таблиц с данными. Философия, которая могла бы им объяснить ограниченность экономического метода, – для них закрытая книга. Математика, требовательная и соблазнительная, монополизировала их интеллектуальные горизонты. Экономисты – это “учёные идиоты” (idiots savants) нашего времени» [27].

Погружение населения промышленных стран в невежество относительно целостности хозяйства – угроза уже всему человечеству. Россия, застрявшая «в переходном периоде», особенно уязвима. И это притом, что наука предлагает много методологических подходов.

Гл. 2. Ограничение темы: «исправление имён»

«Мы – рабы слов», – сказал Маркс, а потом это буквально повторил Ницше. Этот вывод доказан множеством исследований, как теорема. Культурный багаж современного человека начинается с познания понятий, которые служат основой убеждения.

Люди осваивают «картины мира», оперируя понятиями: «Человек воспринимает мир не как хаотический поток образов, символов и понятий. Вся информация из внешнего мира проходит через картину мира, представляющую собой систему понятий и символов, достаточно жестко зафиксированную в нашем сознании. Эта схема-картина пропускает только ту информацию, которая предусмотрена ею. Ту информацию, о которой у нас нет представления, для которой нет соответствующего термина (названия), мы просто не замечаем. Весь остальной поток информации структурируется картиной мира: отбрасывается незначительное с ее точки зрения, фиксируется внимание на важном. Основу картины мира составляют этнические ценности, поэтому важность информации оценивается с этнических позиций. Таким образом, этничность выступает в роли информационного фильтра, сужая спектр допустимых и желаемых реакций человека на ту или иную жизненную ситуацию» (см. [28, с. 60]).

Конкретный предмет наших рассуждений – понятие *политэкономия* (*политэкономия*). Это одно из ключевых понятий той картины мира, которая выстраивалась в Западной Европе в ходе становления капитализма и науки. Слово *политэкономия* соединило две новые сущности и две общественные сферы: систему народного хозяйства и систему познания (на основе научного метода) хозяйства в контексте общества, страны и государства.

Политэкономия – сложная и очень широкая категория. Образ народного хозяйства непрерывно уточнялся и усложнялся с использованием новых инструментов и методов науки, и рациональное ядро этого образа усиливалось идеологией и новой этикой. Понятно, что новое общество и новая картина мира Запада на раннем этапе (XVII-XVIII вв.) были специфическими и уникальными явлениями. Старый Запад был преобразован, оказался необычно экспансивным и агрессивным, и крупные цивилизации и страны были вынуждены начать тяжелые и болезненные программы модернизации. Другие стали колониями, полуколониями или доминионами. Их элиты должны были пройти через новые формы образования – или на Западе, или в новых учреждениях с европейскими учебниками и преподавателями. Часть этого образованного слоя воспринимает понятия и доктрины Запада как универсальные подходы к проблемам других стран, их природы и культуры. Попытки имитировать приемы Запада чаще всего проваливаются, а иногда приводят к катастрофе или бедствию.

В XVIII веке политэкономия стала учением конкретно именно англо-саксонской культуры. Даже внутри Запада, который уже сложился в цивилизацию, хотя пережил многовековой период внутренних войн, не все культуры этой цивилизации приняли политэкономия как единую парадигму. Например, католический Юг (особенно Испания) отвергал представления политэкономии либерализма – в испанских словарях и сейчас политэкономия называется *хре-матистикой*. Противостояние монархистов с либералами было острым, и до сих пор патернализм сохраняется в подсознании.

Но и в северной Пруссии английская политэкономия не принималась. Немецкие экономисты не приняли предложения считать английскую политэкономия за основу единой экономической теории для различных стран, прежде всего европейских. В конце XVIII в. начали выходить важные труды А. Мюллера и Ф. Листа, которые заложили фундамент системы, которую назвали *исторической политэкономией*. В отличие от политэкономии А. Смита и Д. Рикардо, которые старались создать автономную от этики научную теорию, немецкие ввели в модель исторической политэкономии проблемы взаимодействия государства, религии и этики. Такая политэкономия уже относилась к категории *общественной* науки. Важным аспектом

структуры этой науки была *национальная политэкономия*. Можно сказать, что английская и немецкая политэкономии развивались в рамках двух разных парадигм.

Между этими парадигмами существовал «когнитивный конфликт». Ф. Лист в книге «Национальная система политической экономии» выступил против попытки создать универсальную космополитическую экономическую концепцию. История показала, что экономика каждой страны развивается по своим законам, и абстрактная классическая модель политэкономии далека от реальности, а каждая страна должна вырабатывать свою «национальную экономию», предметом которой должно быть хозяйство определенного народа. Ф. Лист даже выступал против ряда постулатов Смита и Рикардо, а также против трудовой теории стоимости.

Маркс приложил много усилий, чтобы разгромить историческую политэкономия (как и концепцию русских народников), но немецкая школа развивалась, и, пройдя пять периодов, действовала до конца XX века. Маркс назвал это направление «вульгарной политической экономией». Во втором издании «Капитала» он написал такое послесловие: «В Германии политическая экономия до настоящего времени оставалась иностранной наукой. . . Отсутствовала, таким образом, жизненная почва для политической экономии. Последняя импортировалась из Англии и Франции в виде готового товара; немецкие профессора политической экономии оставались учениками. Теоретическое выражение чужой действительности превратилось в их руках в собрание догм, которые они толковали в духе окружающего их мелкобуржуазного мира, т. е. превратно. . . Косноязычные болтуны германской вульгарной политической экономии брали стиль и способ изложения “Капитала”» [24, с. 13, 19].

К. Леви-Стросс, изучавший контакты Запада с иными культурами, писал: «Трудно представить себе, как одна цивилизация могла бы воспользоваться образом жизни другой, кроме как отказаться быть самой собою. На деле попытки такого переустройства могут повести лишь к двум результатам: либо дезорганизация и крах одной системы – либо оригинальный синтез, который ведет, однако, к возникновению третьей системы, не сводимой к двум другим» [13, с. 335].

Но оригинальный синтез не по силам эпигонам, это делают те, кто знали и понимали и Запад, и культуру собственной страны и своего народа. А те политики, предприниматели и интеллигенты-западники, которые принимали политэкономия как чистое зеркало реального хозяйства, становились банкротами. Монетаризм – не просто течение в политэкономии, это философское учение, ставшее одной из культурных опор современного общества в западно-европейской цивилизации. Когда формировалось это общество, осмыслению сущности денег (монеты) посвятили свои труды почти все крупнейшие философы Европы – от Ньютона до Гоббса, Монтескье и Юма. М. Фуко в своей книге «Слова и вещи», где он пытался начертить траекторию развития культурной основы западной цивилизации, рассматривает монетаризм и понятие денег как одну из ключевых глав этого развития. Европа прошла драматический путь, пока монетаризм смог превратиться в сложный и очень рискованный инструмент практической экономики! Сколько умолчаний, отрицаний и трансформаций претерпело понимание смысла самого слова *деньги*.

Россию, с ее тысячелетней историей, не пригласили в этот синклит, ее представления о деньгах были иными. Разве бы сказали в России, как европейский философ XVII века, что «золото и серебро – самая чистая субстанция нашей крови, костный мозг наших сил, самые необходимые инструменты человеческой деятельности и нашего существования»? Почему Гоббс с энтузиазмом воспринял открытие кровообращения Гарвеем? Потому что оно давало ему наглядную и «естественную» метафору: деньги по венозной системе налогов стекаются к сердцу государства Левиафана. Здесь они получают «жизненное начало» – разрешается их выпуск в обращение, и они по артериальному контуру орошают организм общества. Деньги приобрели смысл одной из важнейших знаковых систем Запада, стали представлять людей,

явления, общественные институты. Порожденные в ходе этой эволюции культурные стереотипы появляются и сегодня на Западе на каждом шагу, в самой обыденной обстановке.

Политэкономия – это плод эволюции сложной и специфической цивилизации, под которым покоится целый айсберг культурных и философских образований.

Превращение языка в орудие господства положило начало и процессу разрушения языка в современном обществе. Послушаем Хайдеггера, подводящего после войны определенный итог своим мыслям (в «Письме о гуманизме»): «Повсюду и стремительно распространяющееся опустошение языка не только подтачивает эстетическую и нравственную ответственность во всех употреблениях языка. Оно коренится в разрушении человеческого существа. Простая отточенность языка еще вовсе не свидетельство того, что это разрушение нам уже не грозит. Сегодня она, пожалуй, говорит скорее о том, что мы еще не видим опасность и не в состоянии ее увидеть, потому что еще не встали к ней лицом. Упадок языка, о котором в последнее время так много и порядком уже запоздало говорят, есть, однако, не причина, а уже следствие того, что язык под господством новоевропейской метафизики субъективности почти неудержимо выпадает из своей стихии» [29].

Выделим главное в его мысли: *язык под господством метафизики Запада выпадает из своей стихии*. Не будем доверять ярлыкам и названиям, а будем рассматривать сложившиеся процессы и отношения, а также нормы, которые задают власти населению и субъектам хозяйства, внушают идеологические образы, которые оправдают требуемые нормы и законы.

Гл. 3. Становление политэкономии Адама Смита

Политэкономия как теоретическая основа экономических наук с самого начала заявила о себе как о части *естественной* науки, как о сфере познания, полностью свободной от моральных ограничений, от моральных ценностей. Начиная с Адама Смита, она начала изучать экономические явления вне морального контекста. То есть политэкономия якобы изучала *то, что есть*, подходила к объекту независимо от понятий добра и зла. Она не претендовала на то, чтобы говорить, что есть добро, что есть зло в экономике, она только непредвзято изучала происходящие процессы и старалась выявить объективные законы, подобные законам естественных наук. Отрицалась даже принадлежность политэкономии к «социальным наукам».

Очевидно, однако, что эта область знания, претендовавшая быть естественной наукой, на самом деле была тесно связана с идеологией. В книге «Археология знания» М. Фуко представляет политэкономия как самый яркий пример знания, в которое идеология вплетена неразрывно⁸. В то же время это наука не экспериментальная, она основывается на постулатах и моделях. Поскольку политэкономия связана с идеологией, неизбежно *сокрытие* части исходных постулатов и моделей. Действительно, «забвение» тех изначальных постулатов, на которых базируются основные экономические модели, пришло очень быстро.

Сегодня для мыслящего человека необходима *демистификация* моделей и анализ их истоков. Мы должны пройти к самым основаниям тех утверждений, на которых они базируются и к которым мы привыкаем из-за идеологической обработки в школе и в средствах массовой информации. И окажется, что многие вещи, которые мы воспринимаем как естественные, основываются на наборах аксиом, вовсе не являющихся ни эмпирическими фактами, ни данным свыше откровением. Здесь большое поле для образования.

3.1. Модель экономики у Адама Смита

Известно, что политэкономическая модель А. Смита является слепком с ньютоновской механистической картины мироздания. Этот механицизм пронизывал всю политэкономия XIX века.

О том, какое влияние оказала ньютоновская картина мира на представления о политическом строе, обществе и хозяйстве во время буржуазных революций, написано море литературы. Из модели мироздания Ньютона, представившей мир как находящуюся в равновесии машину со всеми ее «сдержками и противовесами», прямо выводились либеральные концепции свобод, прав, разделения властей. «Переводом» этой модели на язык государственного и хозяйственного строительства были, например, Конституция США и политэкономия.

А. Смит сделал каркасом главной модели политэкономии ньютоновскую модель *мира как машины*. Машиной была представлена и сфера производственной и распределительной деятельности. Это было органично воспринято культурой Запада, основанием которой был механицизм. Как машину рассматривали тогда все, вплоть до человека. Ньютоновская механика была перенесена со всеми ее постулатами и допущениями, только вместо движения масс было движение товаров, денег, рабочей силы. Абстракция человека экономического была совершенно аналогична абстракции материальной точки в механике.

Экономика была представлена машиной, действующей по естественным, объективным законам (само введение понятия *объективного закона* было новым явлением, раньше доми-

⁸ Заметим, что это внутреннее противоречие западной политэкономии (одно из выражений всего мироощущения Запада) в принципе отрицалось русскими социальными философами и экономистами до революции. В попытке разделить этику и знание в экономике Вл. Соловьев видел даже *трагедию политэкономии*. По сути, русские философы отрицали статус политэкономии как *науки*.

нировало понятие о гармонии мира). Утверждалось, что отношения в экономике просты и могут быть выражены на языке математики и что вообще эта машина проста и легко познается. С самого начала политэкономия, исследующая и обосновывающая «естественные законы» рыночной экономики, получала мощную идеологическую поддержку от естественных наук. Сама политэкономия формировалась под сильным влиянием механицизма, взяв у него четыре ключевых принципа этой модели:

- зависимость от скрытых сил;
- выражение взаимодействий на математическом языке;
- унифицированный предмет исследования;
- установление равновесия как основную тенденцию системы.

А. Смит перенес из механистической модели Ньютона принцип *равновесия* и *стабильности*, который стал основной догмой экономической теории. Это была метафизическая установка религиозного происхождения. Равновесие в экономике не было законом, *открытым* в политэкономии, напротив – все поиски экономических законов были основаны на *вере* в это равновесие.

Вслед за Ньютоном А. Смит должен был даже ввести в модель некоторую потустороннюю силу, которая бы приводила ее в равновесие (поскольку сама по себе рыночная экономика равновесие явно не соблюдала). Это – «*невидимая рука рынка*», аналог Бога-часовщика. Само выражение «невидимая рука» использовалось в механике ньютонианцами с начала XVIII в. для объяснения движения под воздействием гравитации (сейчас предпочитают говорить о «магии рынка»). Политэкономия, собственно говоря, претендовала быть наукой о приведении в равновесие всех подсистем, взаимодействующих с ядром мирового хозяйства и гражданским обществом Локка – так, чтобы эта система функционировала как равновесная.

На деле же вся политэкономия тщательно обходила очевидные источники неравновесности и возможности гашения флуктуаций, возвращения системы в состояние равновесия. Влияние механистического мировоззрения и вера в равновесие ощущалось даже в период империализма, когда мировая хозяйственная система совершенно очевидно пришла в неравновесное состояние.

Надо учесть, что политэкономия вышла из крайнего механицизма, и ее модели отсекают большую часть реальности не только от таких систем, как общество, народы, культуры и т. д.

3.2. Политэкономия и хрематистика

Аристотель сформулировал основные понятия, на которых до сих пор базируется видение хозяйства. Одно из них – *экономика*, что означает «ведение дома», домострой, материальное обеспечение экоса (дома) или полиса (города). Эта деятельность не обязательно сопряжена с движением денег, ценами рынка и т. д. Другой способ производства и коммерческой деятельности он назвал *хрематистика* (рыночная экономика). Это изначально два совершенно разных типа деятельности.

Аристотель писал в «Политике»: «Так как хрематистика расположена рядом с экономикой, люди принимают её за саму экономику; но она не экономика. Потому что хрематистика не следует природе, а направлена на эксплуатацию. На неё работает ростовщичество, которое по понятным причинам ненавидится, так как оно черпает свою прибыль из самих денег, а не из вещей, к распространению которых были введены деньги. Деньги должны были облегчить торговлю, но ростовщический процент увеличивает сами деньги. Поэтому этот вид обогащения самый извращённый»⁹.

⁹ Хрематистика образовано им от слова «*хрема*» – имущество, владение.

Экономика – это производство и коммерция в целях удовлетворения потребностей (даже если речь шла о порочных потребностях). А хрематистика – это такой вид производственной и коммерческой деятельности, который нацелен на накопление богатства вне зависимости от его использования, т. е. накопление, превращенное в высшую цель деятельности. Это считалось и считается в любом традиционном обществе вещью необъяснимой и ненормальной. Хотя в древности доминировала именно экономика, существовала и некоторая аномалия, был тип людей, который действовал ради накопления. А человек с органичным восприятием мира справедливо считал, что на тот свет богатства с собою не возьмешь, зачем же его копить.

Как пишет Маркс в «Капитале», римское право безусловно запрещало обращаться с деньгами как с товаром. Там действовала юридическая догма: «Денег же никто не должен покупать, ибо, учрежденные для пользования всех, они не должны быть товаром» [24, с. 101]. Напротив, капитализм не может существовать без финансового капитала, без превращения денег в товар и товара в деньги. Это один из устоев политэкономии.

М. Вебер пишет о протестантской этике: «*Summum bonum* [высшее благо] этой этики прежде всего в наживе, во все большей наживе при полном отказе от наслаждения, даруемого деньгами... эта нажива в такой степени мыслится как самоцель, что становится чем-то трансцендентным и даже просто иррациональным по отношению к “счастью” или “пользе” отдельного человека. Теперь уже не приобретательство служит человеку средством удовлетворения его материальных потребностей, а все существование человека направлено на приобретательство, которое становится целью его жизни. Этот, с точки зрения непосредственного восприятия, бессмысленный переворот в том, что мы назвали бы “естественным” порядком вещей, в такой же степени является необходимым лейтмотивом капитализма, в какой он чужд людям, не затронутым его веянием» [4, с. 75].

Отметим очевидную вещь, которая замечательным образом была стерта в общественном сознании с помощью идеологии: рыночная экономия не является чем-то *естественным* и универсальным. Напротив, *естественным* (натуральным) всегда считалось именно нерыночное хозяйство, хозяйство ради удовлетворения потребностей – потому-то оно и обозначается понятием *натуральное хозяйство*.

Рыночная экономика – *недавняя* социальная конструкция, возникшая как глубокая мутация в очень специфической культуре. Как возникло само понятие *рыночная экономика*? Ведь рынок продуктов возник вместе с первым разделением труда и существует сегодня в даже примитивных обществах. Рыночная экономика возникла, когда в товар превратились вещи, которые для традиционного мышления никак не могли быть товаром: деньги, земля и человек (рабочая сила). Это – глубокий переворот в типе рациональности, в метафизике и даже религии, а отнюдь не только экономике.

Когда Д. Рикардо и А. Смит, уже освоившие достижения научной революции и пережившие протестантскую Реформацию, заложили необходимые основы политэкономии, она с самого начала создавалась и развивалась ими как наука о *хрематистике*, наука именно о той экономике, которая нацелена на производство богатства. Политэкономия в принципе не изучала экономической деятельности *незападных обществ*.

Видный современный экономист и историк экономики И. Кристол утверждает: «Экономическая теория занимается поведением людей на рынке. Не существует некапиталистической экономической теории... Для того чтобы существовала экономическая теория, необходим рынок, точно так же, как для научной теории в физике должен существовать мир, в котором порядок создается силами действия и противодействия, а не мир, в котором физические явления разумно управляются Богом» (цит. по [30]).

Несмотря на это предупреждение, многие западные культуры положили в основу модернизации эту политэкономия.

3.3. Антропологическая модель буржуазной политэкономии

Первый камень в основание того *индивидуализма собственника*, на который опиралась политэкономия, заложила Реформация. Второй «корень» политэкономии – почти слившаяся во времени с Реформацией научная революция XVI–XVII вв. Из этих корней выросла новая антропологическая модель, которая включает в себя несколько мифов и которая изменялась по мере появления более свежего и убедительного материала для мифотворчества.

Вначале, в эпоху триумфа ньютоновской картины мира, эта модель базировалась на метафоре *механического* (даже не химического) атома, подчиняющегося законам Ньютона. Концепция индивида, развитая целым поколением философов и философствующих ученых, получила как бы естественно-научное обоснование.

Не менее важное значение, чем механистическая картина мира, имели *атомистические* представления о строении материи. Можно даже сказать, что эти представления, находившиеся в «дремлющем» состоянии в тени интеллектуальной истории, были выведены на авансцену именно идеологами и экономистами – прежде всего в лице философа XVII в. Пьера Гассенди, «великого реставратора атомизма». Уже затем атомистическая научная программа была развита естествоиспытателями – Бойлем, Гюйгенсом и Ньютоном. Атом, по Гассенди, – неизменное физическое тело, «неуязвимое для удара и неспособное испытывать никакого воздействия». Атомы «наделены энергией, благодаря которой движутся или постоянно стремятся к движению».

Возрождение атомизма объясняется, помимо его явной необходимости для создания целостной механистической картины мира, культурно-идеологическими потребностями, тенденцией к «атомизации» общества в XVII–XVIII вв.

Современное общество основано на концепции человека-атома (*ин-дивид* – на латыни означает «неделимый», то есть по-гречески *а-том*). Каждый человек является неделимой целостной частицей человечества, то есть разрываются все человеческие связи, в которые раньше он был включен. Происходит атомизация общества, его разделение на пыль свободных индивидуумов. Заметим, что в традиционном обществе смысл понятия *индивид* широкой публике даже неизвестен. Здесь человек в принципе не может быть атомом – он «делим». Он «разделен» в других и вбирает их в себя. Здесь человек всегда включен в солидарные структуры (патриархальной семьи, деревенской и церковной общины, трудового коллектива, пусть даже шайки воров).

В этом превращении элементарной частицы группы (из человека общинного в свободного индивида) и состоит сущность *либерализма*. Индивид (атом) в мировоззренческом плане есть сущность механистическая, в хозяйственной сфере он – аналог «*материальной точки*» в механике.

Превращение человека в атом, обладающий правами и свободами, меняло и идею государства, которое раньше было построено иерархически и обосновывалось, приобретало авторитет через божественное откровение. Государство было патерналистским и не классовым, а сословным. Лютер легитимировал возникновение классового государства, в котором представителем Бога становится не монарх, а класс богатых. Богатые становились носителями власти, направленной против бедных.

Именно капитализм (с его необходимыми компонентами – гражданским обществом, фабричным производством и рыночной экономикой) породил тот тип государства, который английский ученый и философ XVII века Томас Гоббс охарактеризовал как Левиафана. Только такой наделенный мощью, бесстрашием и авторитетом страж мог ввести в законные рамки конкуренцию – эту войну всех против всех, *bellum omnium contra omnes*. Гоббс развил важный

и поныне для буржуазного общества миф о человеке как эгоистическом и одиноком атоме, ведущем свою войну.

М. Сахлинс пишет: «Очевидно, что гоббсово видение человека в естественном состоянии является исходным мифом западного капитализма. Однако очевидно, что в сравнении с исходными мифами всех иных обществ миф Гоббса обладает совершенно необычной структурой, которая воздействует на наше представление о нас самих. Насколько я знаю, мы – единственное общество на Земле, которое считает, что возникло из дикости, ассоциирующейся с безжалостной природой. Все остальные общества верят, что произошли от богов... Судя по социальной практике, это вполне может рассматриваться как непредвзятое признание различий, которые существуют между нами и остальным человечеством» [31, с. 131].

У Гоббса «равными являются те, кто в состоянии нанести друг другу одинаковый ущерб во взаимной борьбе». Отказ от солидарности и взаимопомощи как основы совместной жизни у него является вполне осознанным: «хотя блага этой жизни могут быть увеличены благодаря взаимной помощи, они достигаются гораздо успешнее, подавляя других, чем объединяясь с ними». Это – специфика культуры.

Миф о человеке как рациональном и изолированном индивиде укреплялся всеми институтами возникшего буржуазного общества – и хозяйственным укладом современного капитализма, и образом жизни атомизированного городского человека, и социальными теориями (например, политэкономией).

3.4. Основа политэкономии: свободный рабочий и его частная собственность

Во Франции впервые появилось слово *идеология* и была создана влиятельная организация – *Институт*, в котором заправляли идеологи (основоположником этого движения был Детьют де Траси).

На Западе понятие человека-атома дало и новое представление о *частной собственности* как естественном праве. Основатель «идеологии» Дестют Де Траси писал: «Природа наделила человека неизбежной и неотчуждаемой собственностью, собственностью на свою индивидуальность... “Я” – исключительный собственник тела, им одушевляемого, органов, приводимых им в движение, всех их способностей, всех сил и действий, производимых ими...; и никакое другое лицо не может пользоваться этими же самыми орудиями» (цит. в [32, с. 216]).

Именно исходное ощущение неделимости индивида, его превращение в особый, автономный мир породило глубинное чувство собственности, приложенное – сначала к *собственному телу*. Произошло отчуждение тела от личности и его превращение в собственность. До этого понятие «Я» включало в себя и дух, и тело как неразрывное целое. Теперь стали говорить «мое тело» – это словосочетание появилось в языке недавно, лишь с возникновением рыночной экономики.

В хозяйстве превращение тела в собственность дало возможность свободного контракта на рынке труда (превращения рабочей силы в товар). Поскольку индивид – собственник своего тела (а раньше его тело принадлежало частично семье, общине, народу), постольку теперь он может уступать его по контракту другому как рабочую силу. Эти модели включали в себя несколько мифов и изменялись по мере появления нового, более свежего и убедительного материала для мифотворчества. Идолами общества тогда были успешные дельцы капиталистической экономики, *self-made man*, и их биографии «подтверждали видение общества как дарвиновской машины, управляемой принципами естественного отбора, адаптации и борьбы за существование» [33, с. 808].

Важнейшими основаниями естественного права в рыночной экономике – в противоположность всем «отставшим» обществам – являются *эгоизм* людей-«атомов» и их *рационализм*.

Хотя множество исследований, да и обыденный опыт, показывают, что люди стали людьми именно благодаря тому, что преодолевали эгоизм и проявляли альтруизм, далеко выходящий за рамки краткосрочных рациональных расчетов. А что главные мотивы их поведения носят иррациональный характер и связаны с идеалами и движениями души – это мы видим на каждом шагу.

Английский социолог Б. Барнес пишет об использовании науки в формировании этого мифа, переходящего в утопию: «Ряд ведущих научных школ доказывают, что склонность к рациональному расчету и приоритет индивидуальных интересов при выполнении рациональных расчетов являются врожденной склонностью людей, системообразующей частью человеческой природы. Согласно этим теориям, выполнять рациональные расчеты и быть эгоистами – входит в самую сущность человека, и с этим ничего нельзя поделать... Наука – предел непрерывного процесса рационализации. Научный прогресс ведет к утопии, в которой человеческая природа якобы может быть выражена полностью, где всякое действие есть свободное действие индивидуума, основанное на индивидуальном рациональном расчете» [34].

Придание рационализму статуса важнейшего отличительного качества человека западной цивилизации сыграло огромную роль в разрушении традиции – того, что скрепляло общества, основанные на солидарности (и не только с современниками, но и с ушедшими и с будущими поколениями).

Политэкономия капитализма отражает зависимость человека от нового материального мира (техносферы). К. Ясперс указывал на идеологический смысл механистического мироощущения: «Вследствие уподобления всей жизненной деятельности работе машины общество превращается в одну большую машину, организующую всю жизнь людей... Все, связанное с душевными переживаниями и верой, допускается лишь при условии, что оно полезно для цели, поставленной перед машиной. Человек сам становится одним из видов сырья, подлежащего целенаправленной обработке. Видимость человечности допускается, даже требуется, на словах она даже объявляется главным, но, как только цель того требует, на нее самым решительным образом посягают. Поэтому традиция в той мере, в какой в ней коренятся абсолютные требования, уничтожается, а люди в своей массе уподобляются песчинкам и, будучи лишены корней, могут быть именно поэтому использованы наилучшим образом» [35].

Из понятия человека-атома вытекало новое представление о частной собственности как естественном праве. Именно исходное ощущение неделимости индивида, его превращения в обособленный, автономный мир породило глубинное чувство собственности, приложенное прежде всего к собственному телу.

Здесь надо отметить важную особенность классической политэкономии, которая дезориентирует многих. Кредо английских экономистов было *свободный работник и свободный рынок*. Поэтому это философское и политическое движение буржуазии называлось *либерализм* (от лат. *liberalis* – «свободный»). Это название возникло в 1720-х годах в ходе требований частных предпринимателей работоторговли освободить их от контроля. Успех работоторговли был доказательством того, что государственное регулирование надо отменять. Так появился термин *«laissez faire, laissez passer»*, т. е. *«позвольте делать, позвольте идти своим ходом»*¹⁰.

Позже экономисты стали добиваться принципа *laissez-faire* и для других рынков. К идеям Морелле много обращался Адам Смит в «Исследовании о природе и причинах богатства народов», и благодаря ему понятие *laissez-faire* стало общеизвестным. Позже, в приличном буржуазном обществе стало не принято вспоминать, что именно работоторговля стала первым примером *свободного рынка* и что капитализм тесно связан с торговлей людьми. Но иногда иной автор

¹⁰ Своими трактатами в поддержку отмены привилегий государственных компаний помог аббат и писатель, энциклопедист и член Французской академии А. Морелле.

вставит: «Как ни парадоксально, отцы-основатели *laissez-faire* видели в работорговле подтверждение значимости свободы» [36].

У нас мало кто это помнит. Выявление реального смысла в словах – это особая операция – интерпретация, толкование. Есть даже методологическая дисциплина – *герменевтика*. К политэкономии всегда надо подходить, пройдя ликбез герменевтики.

Далее, ученый и философ Дж. Локк разработал концепцию *гражданского общества*. Суть ее в том, что люди западной цивилизации делятся на две категории – на *собственников* (пропъетариев) и *пролетариев* (тех, кто не имеет ничего, кроме своего потомства – *prole*). В этой модели пролетарии живут в состоянии, *близком к природному*, а собственники объединяются в гражданское общество – *Республику собственников*. По словам Локка, «главная и основная цель, ради которой люди объединяются в республики и подчиняются правительствам, – сохранение их собственности».

Вне Запада жили *дикари*. Они находились в *природном* состоянии. Они – *Иное* для Запада. Локк, чье имя было на знамени буржуазных революционеров в течение двух веков, вложил все свои сбережения в акции английской компании, имевшей монополию на работорговлю. В этом не было моральной проблемы – негры касательства к гражданским правам не имели, они были «дикарями».

Гражданское общество уравновешено войной с неимущими. Читаем в фундаментальной многотомной «Истории идеологии», по которой учатся в западных университетах: «Гражданские войны и революции присущи либерализму так же, как наемный труд и зарплата – собственности и капиталу. Демократическое государство – исчерпывающая формула для народа собственников, постоянно охваченного страхом перед экспроприацией. Начиная с революции 1848 г. устанавливается правительство страха: те, кто не имеет ничего, кроме себя самих, как говорил Локк, не имеют представительства в демократии. Поэтому гражданская война является условием существования либеральной демократии. Через войну утверждается власть государства так же, как “народ” утверждается через революцию, а политическое право – собственностью. Поэтому такая демократия означает, что существует угрожающая “народу” масса рабочих, которым нечего терять, но которые могут завоевать все. Таким образом, эта демократия есть не что иное, как холодная гражданская война, ведущаяся государством» [37, с. 523]¹¹.

Локк доработал и развил теорию собственности (*теорию трудовой стоимости*), которая легитимировала приватизацию общинных земель и колониальные захваты земли местного населения.

Теоретическое знание экономической науки в период колонизации территории будущих США было востребовано не только элитарными группами вдохновителей и организаторов этого предприятия, но и массовым сознанием протестантов-переселенцев. Им требовалась теория, которая доказала бы их право на присвоение возделываемых земель индейских племен с использованием военной силы (вплоть до геноцида). Это была совершенно новая задача (например, французские колонизаторы захватывали невозделанные охотничьи угодья и пастбища индейцев, опираясь на принцип римского права *res nullius* (принцип «пустой вещи»). Он гласил, что невозделанная земля есть «пустая вещь» и переходит в собственность государства, которое передает ее тому, кто готов ее использовать).

Создать стройную *теорию собственности*, дающей «естественное» право на сгон индейцев, поручили философу Локку. Он взял за основу трудовую теорию собственности, разработанную У. Петти в Ирландии, и дополнил ее таким новшеством: труд, вложенный в землю, определяется ценой участка на рынке. Земля у индейцев не продавалась, а давалась бесплатно, дарилась или обменивалась на ценности, «в тысячу раз меньшие, чем в Англии». Это значит,

¹¹ Таким образом, *народом* в гражданском обществе были собственники. Некоторые западные наблюдатели (де Кюстин) и о России середины XIX века писали: «Здесь следовало бы все разрушить, для того чтобы создать народ».

что индейцы в нее не вкладывали труда и не *улучшали* ее. Значит, англичане хозяйничают лучше, ибо они *улучшают* землю. Так возникло новое право собственности: земля принадлежит *не тому, кто ее обрабатывает, а тому, кто ее изменяет* (трудится и увеличивает ее стоимость) [38, с. 118–121].

Таким образом, в политэкономии труд оценивается не натуральными индикаторами, а величиной суммы денег, которую на рынке дают за этот труд.

А. Смит, сравнивая эффективность государственных компаний и частных, писал о Королевской африканской компании: «В 1732 г. после многолетних убытков в торговле по ввозу негров в Вест-Индию она, наконец, решила совсем от этой торговли отказаться, продавать частным торговцам Америки негров, приобретаемых на берегу, и устроить торговлю с внутренними частями Африки для вывоза золотого песка, слоновой кости, красящих веществ и т. п. Но ее успех в этой более ограниченной торговле был не больше, чем в прежней, более обширной. Дела компании продолжали постепенно приходить в упадок, пока, наконец, она не оказалась полным банкротом и не была распущена парламентским актом, а ее укрепления и гарнизоны были переданы теперешней привилегированной компании купцов, торгующих с Африкой...»

Первым торговым предприятием, которым занялась компания [Южноокеанская компания], было снабжение испанской Вест-Индии неграми, предоставленное ей в исключительную монополию» [39].

Но и в зрелом капитализме в народном хозяйстве западных стран большую роль играло *рабство*. Вот данные за 1803 г.: в 1790 г. в английской Вест-Индии на 1 свободного приходилось 10 рабов, во французской – 14, в голландской – 23. Маркс пишет в «Капитале»: «Ливерпуль вырос на торговле рабами. Последняя является его методом первоначального накопления... В 1730 г. Ливерпуль использовал для торговли рабами 15 кораблей, в 1751 г. – 53 корабля, в 1760 г. – 74, в 1770 г. – 96 и в 1792 г. – 132 корабля. Хлопчатобумажная промышленность, введя в Англии рабство детей, в то же время дала толчок к превращению рабского хозяйства Соединенных Штатов, раньше более или менее патриархального, в коммерческую систему эксплуатации. Вообще для скрытого рабства наемных рабочих в Европе нужно было в качестве фундамента рабство *sans phrase* [без оговорок] в Новом свете» [24, с. 769].

Становление капитализма на Западе не было медленным «естественным» процессом. Это был результат череды огромных революций, в ходе которых возникло уникальное сочетание обстоятельств, позволившее распространить на Западную Европу экономический уклад.

3.5. Политэкономия Адама Смита и бедность

Для жизнеустройства и народного хозяйства важным качеством является тип *бедности*. Конкретная политэкономия задает обществу нормы и этику, а значит, и доминирующие институты и социальную систему.

Отношение к бедности определяется прежде всего по состоянию части общества, которая имеет относительно *низкий доступ* к основным благам, по меркам этого общества. Имеется в виду тот порог в уровне доступа к благам, ниже которого бедные и зажиточная части образуют по потреблению благ и типу жизни два разных мира (в Англии периода раннего капитализма говорили о двух разных расах – «расе бедных» и «расе богатых»).

В политику понятие бедности вошло в развитой форме в Древнем Риме. Контроль над массой городской бедноты («пауперов») был одной из важных задач власти. Возникновение этой социальной группы происходило в процессе разрушения *общины*. Это было кардинальное изменение – смена экономической формации.

Во-первых, община помогала своим членам не впасть в бедность и в то же время *не позволяла* человеку опуститься. Во-вторых, уравнительный уклад общины не породил в человеке разрушительного самосознания бедняка. В процессе обеднения возникает порог (или разрыв

непрерывности), когда низкий уровень потребления материальных благ соединяется с духовной травмой.

Непритязательная жизнь в сельской общине и бедность в трущобах большого города – разные образы жизни. В городе зрелище образа жизни богатой части как целого социального класса порождало неутоленные потребности и ощущение своей отверженности. Возникновение такой бедности – процесс во многом духовный (поэтому слово «пауперизация» вошло в лексикон теоретиков капиталистической экономики уже начиная с Адама Смита). Здесь бедность приобретает новое качество, *бедность* (*poverty* – англ.) в городской трущобе на Западе для многих быстро превращается в *ничтожество* (*misery* – англ.).

Ничтожество – это постоянное и тупое желание выбраться из ямы и в то же время неспособность напрячься, это деградация твоей культуры, воли и морали. Вырваться из этого состояния *ничтожества* можно, только совершив скачок «вниз» – в *антиобщество* трущобы, в иной порядок и иной закон, чаще всего в преступный мир. Переход людей через барьер, отделяющий бедность от ничтожества, – важное и для нас малознакомое явление.

Бедность – социальный продукт именно классового общества с развитыми отношениями собственности и рынка. Таким было общество рабовладельческое, а потом капиталистическое. В сословном обществе люди включены в разного рода общины, и бедность здесь носит совсем иной характер, она обычно предстает в качестве общего бедствия, с которым и бороться надо сообща. Ведущие мыслители-экономисты либерального направления (А. Смит, Т. Мальтус, Д. Рикардо) считали, что бедность – неизбежное следствие превращения *традиционного* общества в *буржуазное*. Действительно, протестантская Реформация породила новое, неизвестное в традиционном обществе отношение к бедности как признаку *отверженности* («бедные негодны Богу» – в отличие от православного взгляда «бедные близки к Господу»).

Опыт Испании, где процесс либерализации и становления капитализма происходил очень сложно (со времен Контрреформации до наших дней), актуален и во многом нам близок. Испанский социолог М.А. Лопес Хименес пишет в сборнике «Культура мира и конфликтов»: «Если *иметь* означает также быть кем-то в обществе, то *не иметь* вызывает подавленность, которая может выразиться в агрессии против окружающих, чтобы вырвать у них то, что они имеют, требуя более или менее жесткими методами. Здесь насилие и уличной преступности, и забастовок – законных или диких, уличные бунты и демонстрации протеста. Некоторые из этих видов насилия отвергаются обществом, что, в свою очередь, до известной степени питает это насилие. В обществе растет враждебность, порожденная страхом и непониманием, ибо хотя все знают, что общество разделено на классы, существует распространенное убеждение в равенстве возможностей, которое позволяет считать бедных виновниками своей бедности, не использующими шанс вырваться из своего положения» [40].

Мальтус, который был заведующим первой в мире кафедры политэкономии и одним из наиболее читаемых авторов в викторианской Англии, представил человеческое общество как арену борьбы за существование, в которой слабые должны погибнуть. Он писал, что его задачей было убедить «каждого человека из менее привилегированных классов общества переносить с максимальным терпением тяготы, которые ему досталось нести в жизни, меньше раздражаться и меньше быть недовольным правительством и привилегированными классами общества из-за своей бедности... больше любить мир и порядок, не склоняться к насильственным действиям в голодные времена и никогда не попадать под влияние подстрекающих публикаций» [41].

Политэкономия, заложенная в основу либерального порядка, была тоталитарной в том смысле, что, приписывая бедности и страданиям трудящихся характер *закона природы*, «запрещала» борьбу рабочих за улучшение своего положения. Таков закон: на рынке господствует свобода контракта: каждый волен продать или купить. На рынке труда рабочий может продать свою силу на время, а покупатель (предприниматель) может купить или не купить товар – справедливость для обеих сторон. В действительности Мальтус обращался к буржуазии, «менее

привилегированные» классы не читали книг Мальтуса. Он убеждал буржуазию в правомерности существующего социального порядка и жестокостей репрессивной системы.

Таким образом, порождаемое рыночной экономикой неравенство и страдание взялась объяснять философия (Мальтус), хотя в необходимой уже форме научной и даже математизированной теории. С первых этапов становления современного Запада его социальная философия столкнулась с проблемой *права на жизнь*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.